

Янина Могвич

ОХОТА
НА БОТАНИКА

БОЛЕЕ 1 000 000 ПРОЧТЕНИЙ

Янина Логвин
Охота на ботаника
Серия «Бестселлер
сентиментальной прозы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63635931
Охота на ботаника: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-134649-2

Аннотация

Как завоевать сердце ботаника, если он увлечен квантовой физикой, а популярных девушек обходит стороной?

Формула успеха проста: нужно объявить его своим парнем, а если счастливчик упрямится – призвать на помощь смекалку.

Именно так поступает Агния Корсак, первая красавица университета, когда неожиданно понимает, что впервые в жизни влюбилась. И пусть объект симпатии не спешит отвечать взаимностью, Агния не привыкла отступать.

Она обязательно докажет, что упорство и красота – опасное оружие в руках влюбленной девушки.

Так что же победит в этом противостоянии характеров – наука или любовь?

Держись, Антон Морозов, на тебя объявили охоту!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	44
Глава 4	64
Глава 5	81
Глава 6	106
Глава 7	123
Глава 8	137
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Янина Логвин

Охота на ботаника

Глава 1

Я не люблю стандартные лица, стандартные мысли и стандартных людей. Мне нужна исключительность. Незаурядность – вот тот двигатель, который заставляет меня идти дальше, совершенствуя себя и свой мир, и знаете что – мне это нравится!

Я с детства работала над собой. Танцы, брекеты, спортзал, преподаватель английского. В конце концов, мои родители изрядно постарались, чтобы их единственная дочь выросла королевой, и теперь я входила в любые двери, не замечая косые взгляды и шепотки за спиной. Этот мир принадлежал смелым и целеустремленным, и я определенно собиралась идти в его фарватере. Нет уж, кочки и ухабы не для меня.

Дверь широко распахнулась и глухо ударилась о стену. Преподаватель истории, который в этот момент стоял на кафедре, повернул голову и встретил мое появление в аудитории вопросом:

– Корсак? – Брови у мужчины строго приподнялись. – И почему я не удивлен? Вы снова опоздали! Я уже практически приступил к теме сегодняшней лекции.

Ох. И почему всем типам с ученой степенью так нравится набрасывать на студиязусов ярмо вины?

Я вскинула руку и спокойно взглянула на часы.

– Практически, но ведь не приступили? Точное время по Гринвичу говорит мне, что до начала лекции еще осталось двадцать семь секунд. Этого вполне достаточно, чтобы занять свободное место и достать конспект.

Опустив руку, широко улыбнулась преподавателю.

– Здравствуйте, Василий Юрьевич! Вот видите, я была права. Пусть со второго раза, но вы запомнили мою фамилию!

– Кхм...

– Обещаю впредь быть еще пунктуальнее. Так я могу сесть? Обожаю ваши лекции!

– Садитесь уже, Корсак!

Вот так бы сразу и сказал. А то вздумал при всех отчитывать!

Оставив на лице самоуверенную усмешку, я повернулась лицом к аудитории и огляделась.

Ну, конечно. Все студенты с интересом подняли головы, наблюдая за нашим с историком разговором – кто бы сомневался! Все, за исключением светловолосого, кудрявого парня в очках. Я вонзила в него взгляд, хлопнула дверью и застучала каблуками по старому паркету. Направилась к нему между рядами парт, чувствуя, как на моих идеальных, загорелых бедрах натягивается ткань короткого платья.

Поравнявшись с нужным столом, махнула длинным черным хвостом и села рядом с блондином.

– Привет, Морозко, – сказала воодушевленно, – а вот и я!

Антон Морозов не ответил. Сжал плотнее губы, поправил очки и уткнулся носом в конспект, словно и не к нему обратилась. Зато отозвался долговязый ушлепок из соседнего ряда. Как там его?

– А ты настоящая язва, Агнешка, но это так заводит! Тебе бы в фильмах для взрослых сниматься – в форме майора СС. Я бы посмотрел! – И противненько так засмеялся, засмотревшись на мою грудь: – Ах-ха-ха! Точно бы посмотрел!

Говорю же – ушлепок. Градус юмора – Марианская впадина без надежды на спасение. Пришлось всерьез окрыситься на кривую ухмылку.

– Заткнись, Трущобин, пока завод не сломался! А то ведь я твои косые смотрелки и потушить могу. Без формы майора, одним маникюром!

Маникюр на среднем пальце смотрелся отлично, и я поспешила его продемонстрировать. Парень заткнулся, но я на всякий случай задержала на нем темный взгляд. Про язву – это он верно заметил. Забыл добавить «злопамятная»!

Отвернувшись к кафедре, раскрыла сумочку, достала тетрадь и ручку. Снова посмотрела на Морозова. Нахмурилась, проследив за его взглядом.

Прошел ровно месяц с тех пор, как мы познакомились, и я дала ему срок ко мне привыкнуть. Сегодня этот срок как

раз истекал, а Морозов по-прежнему меня не замечал, даже и не думая проявлять симпатию. Больше я с этим мириться не хотела.

Я вспомнила нашу первую встречу и себя – тогда меня словно молния поразила...

Все было идентично сегодняшнему дню, только дата другая. Но та же аудитория, общая лекция для двух групп, и тот же Василий Юрьевич, пытающийся утихомирить расшумевшихся студентов...

– Хватит, молодые люди! Попрошу внимания, у нас серьезная тема! Да что вы растрещались, как бесполезная саранча!

Я приходила в эту аудиторию не один месяц, но именно в тот день поссорилась с Тamarкой Абазовой, своей подругой, и пересела на свободное место за последней партой. Если бы я в тот момент знала, что встречу свою судьбу... О нет, я бы не сбежала, как вы подумали. Я бы не потеряла столько времени впустую! А тогда я и внимания не обратила на соседа по парте – длинноволосого кудрявого блондина. Ботаники никогда меня не привлекали, а очкарики и подавно! Но парень неожиданно тихо засмеялся, и я застыла, неожиданно для себя отреагировав на этот смех. Настоящий, что ли. Не похожий ни на какой другой.

Мне вдруг показалось, что он смеется надо мной. Но ведь это невозможно! Никто и никогда не высмеивал Агнию Корсак!

– Эй, ты почему смеешься? – Помню, я повернулась к нему, готовая осадить наглеца. Но оказалось, что он вовсе на меня не смотрел!

Зато ответил, пожав плечами и поправив на носу очки:

– Потому что стыдно историку бросаться подобной аксиомой. Особенно зная, что это насекомое не однажды спасло тысячи жизней от голодной смерти.

– Саранча? – я удивилась, свысока осматривая соседа. – Да ну! Ты же не серьезно?

Он впервые посмотрел на меня, вполне даже серьезно, и я потребовала:

– Как это возможно? Объясни.

– Очень просто. Самый последний массовый случай – когда в Камбоджу пришли красные кхмеры¹ и начался повальный голод, люди жарили и варили саранчу и только так смогли выжить. Так что это насекомое никак нельзя назвать бесполезным. В нем масса полезного белка!

Что?! Фууууууу!

Видимо, моя пауза с ответом слишком затянулась, а лицо выдавало все внутреннее неприятие от услышанного, потому что парень вдруг с подозрением спросил:

– Надеюсь, ты знаешь, кто такие красные кхмеры?

Я-то? Понятия не имею! Но непременно сегодня же узнаю!

¹ Красные кхмеры – неофициальное название коммунистического течения аграрного толка в Камбодже.

– Конечно! – уверенно фыркнула.

Кажется, блондин не поверил. Ни ответу, ни моим честным глазам. Внезапно нахмурился и отвернулся, как будто только сейчас увидел, кто сидит с ним рядом.

– Ладно. – Отодвинулся подальше, словно я могла его уку-
сить. Повел плечом, отмахиваясь, как от мухи. – Проехали...

Что?! Это он мне?

– Стоять, Кудряшка! Куда это проехали? Раз уж раскусил, давай рассказывай!

Мои пальцы оказались крепко сжаты на его запястье, и парень с надеждой спросил:

– И ты отстанешь?

– Посмотрим, – ушла я от прямого ответа, а про себя подумала: конечно, отстану, что мне еще с таким ботаником делать?

– Хорошо, слушай!

И тут он сделал самое простое, что мог сделать. Кудряшка снял очки и поднял ко мне лицо.

Ничего не должно было случиться необычного, клянусь. Я каждый день равнодушно смотрела на сотни людей – красивых и не очень. Смеялась и легко уходила от них, оставаясь собой. А тут... Парень снял очки, отвел пятерней волосы от лица, поднял взгляд и заговорил.

Тепло-карие, необыкновенные глаза в опушке темных ресниц смотрели на меня. Кудряшка что-то говорил, говорил... А я, как замороженная, прикипела взглядом к муж-

ским губам, чувствуя, как от звука его голоса вибрируют струны в душе, о существовании которых я до последнего времени и понятия не имела.

Никогда не думала, что со мной может произойти нечто подобное. Что я вот так запросто западу на первого встречного парня. Я, Агния Корсак, которая никогда и никого не любила... вдруг почувствовала ощутимый укол в груди. Сердце ударило о ребра, дыхание сбилось, и огненный разряд прошел сквозь тело стрелой, пронзив неведомым до этого момента чувством.

Проклятый Купидон сегодня выбрал мишенью меня и захохотал, а я, позабыв о красных кхмерах, спросила у парня его имя...

Да, все это случилось со мной ровно месяц назад, но даже спустя тридцать один день моей глубокой любви Антон Морозов отказывался меня замечать.

Я выдохнула злость, как дракон, сквозь ноздри и поймала его взгляд, брошенный в сторону соседнего ряда, где у окна сидела тонкогубая бледная выдра. В просторечье – студентка Элла Клюквина. Ничего особенного, уж поверьте мне! Тонкие косточки, мышинные волосики, дрожащие ресницы и поджатый рот, словно ее вот-вот стошнит. Да таких жеманниц еще поискать! Не понимаю: и что мой Морозов в ней нашел? Лично мне она о-очень сильно не нравилась!

Мириться в его окружении я могла только с одной дев-

чонкой – такой же очкастой ботаншей-вундеркиндом, о гениальности которой судачил весь университет. И то только потому, что мой ботаник сох по бледной выдре.

Я выдохнула воздух сквозь зубы и повторила:

– Привет, Морозко!

Антон не ответил, продолжая смотреть на Клюквину. Та тоже с интересом косилась на блондина поверх плеча. На моего блондина, между прочим!

Ты смотри, гляделки устроили! Ну, я вам покажу!

Недолго думая, я стрельнула в нее темным взглядом, закинула руку на спинку стула Морозова и жарко прижалась к нему бедром.

Его отдернуло от меня как током.

– К-к-корсак! – Очки едва не слетели с носа, зато меня точно заметили. – Т-ты чего?!

Я так улыбнулась, что с ровного ряда зубов сточенная крошка посыпалась.

– Я сказала: «Привет, Морозко!» – промурлыкала хищно. – А я привыкла, чтобы со мной здоровались. М-м? – требовательно изогнула высокую бровь.

Ну вот, наконец-то кивнул. Хотя взгляд еще стеклянный – наверняка застыл янтарем от красоты бледной Клюквы. Ну, ничего, сейчас приведу Ромашку в чувство. Не хватало еще, чтобы какие-то хитрые выдры нашему счастью дорогу переходили. Со мной этот номер не пройдет!

Я подняла руку и помахала ею перед лицом парня – он в

этот момент как раз собрался вновь взглянуть на Поганку и вздрогнул, когда я намеренно зацепила его по носу.

– Эй, это я – Агния! И я сижу здесь!

– Корсак, да что с тобой? – изумленно спросил блондин.

Взгляд моментально сфокусировался на мне, а за стеклами очков оторопело хлопнули длинные ресницы – ну вот, другое дело!

– Ничего. Просто когда я злюсь, у меня хромает координация, и всё вокруг жутко раздражает, – честно призналась. – Вот как сейчас! Я все еще жду, Морозов, – напомнила, – но мое терпение не безгранично!

– П-привет.

Какое же это умиротворение – иметь дело с сообразительным человеком! Сразу хочется улыбаться и обнимать весь мир! Не считая Клюквы, которая сидит и уныло на нас таращится. Пришлось и ей средний палец показать – случайно почесав им щеку.

Кажется, поняла. Тонкие губы дрогнули и привычно скисли.

– Ну вот, другое дело, Ромашка. Я тоже рада тебя видеть!

Морозов отвернулся и насупился. Взглянув на преподавателя, записал за историком в конспект тему новой лекции.

– Я о радости ничего не сказал, – тихо, но упрямо пробубнил. – И я тебе не Ромашка, Корсак, и не Кудряшка! Хватит, устал повторять! – неожиданно рыкнул.

Ух ты, какие мы грозные! Я от восторга даже заулыба-

лась, засмотревшись на светлую волнистую прядь, которую парень, поправив очки, заправил себе за ухо.

«Ну, это мы еще посмотрим, кто ты мне», – не менее упрямо подумала. Сейчас главное, что Морозов забыл о Клюкве и теперь совершенно точно знал, кто с ним сидит.

Меня это полностью устраивало, и я решила отвлечься на учебу. Тем более что Василий Юрьевич продолжал строго поглядывать в мою сторону. Он оказался из тех преподавателей, кто не прощает студентам их самоуверенность. А значит, мне предстоит его удивить и свою самоуверенность оправдать.

Я никому не привыкла проигрывать даже в мелочах, поэтому стала внимательно слушать историка и записывать за ним важные тезисы лекции в конспект. В процессе так заслушалась рассказом о внешней политике Византии, что и не заметила, как засмотрелась на ладонь блондина – по-мужски широкую, но аккуратную, с крепким запястьем, сжавшую в длинных пальцах ручку.

– Морозов, тебе говорили, что у тебя руки красивые? – клянусь, это не я сказала, а чувство прекрасного во мне, но я была полностью с ним солидарна.

– Что? – парень поднял голову и рассеянно мазнул по мне взглядом. Снова отвернулся. – Нет, не говорили.

– Значит, я буду первой. Они у тебя красивые, и сам ты симпатичный. Очень!

Я произнесла это шепотом, наклонившись к щеке Мороз-

ко, и он покраснел. Сжал пальцы в кулак, пряча руку от моего взгляда. Черт, ну нельзя же быть таким трогательным. Так и захотелось его куснуть за щеку! Похоже, я здорово соскучилась по нему за прошедшие выходные.

– Отстань, Корсак, – нахмурившись, прошипел. Уж он-то по мне точно не скучал. – Брось свои шуточки! Я тебе уже сказал, что на меня они не действуют!

Но я ответила таким же шепотом:

– И не подумаю. Ты мне нравишься, Кудряшка! – Придвинувшись ближе, чтобы нас не слышали, спросила: – А я тебе? Неужели совсем нет? Вот вообще ни капли?!

Так получилось, что я коснулась его грудью, и он тут же отдернул локоть. Возмутился тихо, но очень решительно. Даже желваки на скулах натянулись – ух ты, какой симпатяга!

– Нет, не нравишься. Вообще! И если ты не прекратишь себя так вести, я просто встану и уйду! Ты мне мешаешь заниматься, и я не собираюсь это терпеть. Я не понимаю, зачем ты вообще ко мне садишься? Ты что, не можешь себе другое место найти?

В лекционной аудитории хватало места для всех, и намек прозвучал более чем прозрачно. Но я не привыкла находиться в зоне игнора, так что Морозову предстояло это принять. Однако отодвинулась подальше, позволив парню дышать. Пусть думает, что у него есть выбор – пока.

– Почему? Могу, конечно. Но не хочу! – вскинув подбородок, взглянула на доску. – Так случилось, что ты меня вдох-

новляешь.

– На что это? – Морозов повернул лицо, и светло-карие глаза за стеклами очков удивленно округлились. – На учебу?

Я вздохнула и вернулась к конспекту, поспешив записать за историком очередной тезис.

Да уж, когда дело касается обольщения, логика у моего неискушенного ботаника тут же хромает. Пришлось скривить губы в ухмылке.

– Ну, конечно же, на учебу, Морозко! На что же еще?

Мне показалось, или он облегченно выдохнул, тоже пустив в дело ручку? Зашуршал стержнем, оставляя на бумаге красивый ряд букв.

– А возможно, и на что-то большее, – задумчиво добавила. – Например, на серьезные чувства. Как тебе такой вариант?

Такой вариант ему точно не понравился, и он изумленно сглотнул. Отморгавшись, поправил очки.

– Продолжаешь ерничать, Корсак? Снова принялась за свое? И что тебе от меня нужно, не пойму. Чего пристала?!

Ого, снова рычание! А характер-то у моего Кудряшки имеется, и еще какой! Отлично, не люблю слюнтяев. Однако я тоже не подарок, и лучше бы Морозко об этом знать. Когда надо, могу и словом неласковым приложить.

Вмиг позабыв о лекции, скрестила с блондином карие взгляды и честно предупредила:

– Морозов, осторожнее. Я тебе не кусок скотча, чтобы

пристать, и не липкий пластырь. Выбирай выражения и лучше тормози с претензиями, а то ведь я и обидеться могу. Да в этой аудитории любому за счастье со мной сидеть! Но почему-то не тебе!

Сказала это сердито, ожидая увидеть на лице Морозова растерянность, а он вдруг неожиданно улыбнулся. Не по доброму, с досадой, но я все равно засмотрелась на складочки в уголках губ. Ответил мне, словно обращаясь к ребенку, не способному в песочнице разглядеть очевидное:

– Так, может, потому, что я не любой, Корсак? Это же просто! Если за счастье, то иди и осчастливь кого-то другого. А меня оставь в покое!

На душе вдруг стало грустно – оттого, что он сказал искренне. Вот только мое счастье смотрело на меня самыми теплыми глазами на свете, и я не собиралась от него отказываться. Ей-богу, если бы могла, собственноручно придушила бы Купидончика, сыгравшего со мной злую шутку, а так и претензии предъявить некому.

– Я бы с радостью, Кудряшка, – вздохнула, – но не могу.

– Это еще почему? – Ну вот, улыбка пропала. Насторожился, ожидая от меня подвоха. Зря, врать я никогда не умела. Точнее, не считала нужным.

– Потому что ты мне нравишься, Морозов. Так сильно, что я решила быть твоей девушкой. И лучше сразу смирись! – наставила на опешившего парня палец. – Все равно у нас с тобой другого выхода нет. Будешь любить меня, как

миленький! – пообещала. – А теперь можешь сказать, как ты этому рад и что тебе повезло. Думаю, мне это понравится.

Я подняла бровь, откинулась назад и развернулась к нему лицом, позволяя себя рассмотреть. Усмехнулась тонко, предчувствуя взрыв возмущения, и не ошиблась.

– Что-о?! – Щеки блондина побледнели, а потом вспыхнули ярче прежнего. Губы сердито дрогнули, раскрылись и, думаю, если бы звонок об окончании пары прозвенел позже, а не в эту самую секунду, Морозко все равно бы ушел – так резко поднялся над столом. – Издеваешься?!

– Нет. Ничуть!

– Ну, знаешь, Корсак... Ты не девушка, ты – настоящий Дементор! Не вижу причины для радости. Да тебя видишь – и бежать хочется! И не мечтай! Я не собираюсь тебя развлекать, найди себе другого шута! А в моей жизни и без тебя проблем хватает!

Морозко легко задвинул меня вместе со стулом за парту и прошел мимо, закинув рюкзак на плечо, – мои челюсти тонко клацнули. Не обернувшись, распахнул дверь и вышел из аудитории, удивив историка.

Заподозрив неладное, Василий Юрьевич нашел меня взглядом и грозно нахмурился, но мне было все равно. Я смотрела, как тихо посмеивается Клюква, и чувствовала, что мстительно поджимаю рот.

Я вышел из аудитории и с силой хлопнул дверью о стену. Зашагал по коридору, уже не пытаясь справиться со злостью, что кипела внутри. Сейчас ее во мне бушевал океан, и я бы с радостью этот океан на кого-нибудь выплеснул, если бы не имел привычки сдерживать эмоции в себе. Но как же хотелось, чтобы волна цунами, толкающаяся в грудь, прорвалась сквозь заслоны и смысла с пути одну черноглазую ведьму, вздумавшую развлечься за мой счет!

Чертова Корсак! И откуда только взялась! Я терпел эту занозу и ее выходки целый месяц. Старался не замечать, игнорировать дурацкие насмешки в надежде, что ей надоест, но сегодня она перешла все границы.

Ромашка? Кудряшка? За кого она меня принимает – за бесхребетного слабака? Или за глупого идиота? Моя девушка – как же! Да всем, кто нас знает, такое и во сне не приснится! Так стебаться можно только на спор или из желания самоутвердиться за счет глупого троллинга. Но зачем ей последнее, когда таким, как она, и так принадлежит весь мир, без нужды кому-то и что-то доказывать? Вот разве что себе, и то от скуки. Только я точно не предмет доказательства и не собираюсь вестись на улыбку заразы. Бегать за ней посмешищем и развлекать? Не дождется! Пусть ищет другого дурака! Тем более что желающих угодить Корсак вокруг предостаточно.

Сначала оказалось, что у меня голос особенный, теперь руки красивые... Еще бы про глаза пропела – птица-соло-

вей! Сразу видно, что не долго думала. Чего она ждала, что я куплюсь?

«... А ты прикольный, ботаник! Как, ты сказал, тебя зовут?

– Антон, но я тебе не говорил.

– Это не важно, я запомню. А меня Агния.

– Но я не спрашивал.

– А я и не отвечаю, Антон. Я ставлю тебя в известность.

А теперь, когда мы знакомы, осталось договориться.

– О чем?

– О том, Кудряшка, что на истории мы теперь будем сидеть вместе. Начнем с малого, пока лучше не узнаем друг друга, а дальше будет видно. Как ты на это смотришь?»

Я смотрел изумленно и растерянно на безупречную, самоуверенную улыбку очень красивой девушки, знающей себе цену, вдруг вздумавшей странно пошутить с незнакомым парнем. А уже через секунду – хмуро и пристально на чувственные, полные губы с темно-розовым блеском, которые впору было увидеть не в полуметре от себя, а на глянцевой обложке мужского журнала.

Сказал совершенно четко и ясно, чтобы не оставить сомнений: «Я против!», но разве Корсак это остановило?

Прикольный ботан – вот я кто для нее. Сосед по парте, желания которого можно не принимать во внимание. К тому же, как выяснилось, слова «нет» Агния не понимает. Уже вся группа потешается над тем, как черноглазая заноза, которой

вслед оборачивается половина университета (а другая половина старательно обходит стороной), не дает мне прохода. К ней даже преподаватели обращаются на «вы» и по имени, за редким исключением. Да я и сам весь прошлый год засматривался издали на стройную брюнетку с походкой королевы, заговорить с которой казалось за гранью возможного, а теперь...

А теперь вдруг ей понравился? Реально?!

Нет, я, конечно, уважаю фантастику и верю в физику невозможного, но предпочитаю не смешивать эксперименты и теории с личной жизнью.

И как меня угораздило очутиться с Корсак за одним учебным столом? Жизнь словно разделилась на «до» и «после». Сначала думал, что ей всё скоро надоест. Ну, в самом-то деле, не избегать же мне ее намеренно?.. Не надоело. А вот мне – уже по горло!

Идеальная девушка. Такой бы в кино сниматься, как ее знаменитый отец. В университете никто не знает наверняка, но многие догадываются, чья она дочь. Не у каждого студента есть личная «Ауди» и звезда «избранной» во лбу. И что она в нашем вузе забыла, не пойму? Да еще на специальности «Инженерное программирование»? Училась бы себе за границей, как раньше, – так зачем вернулась?

К черту! Не хочу об этом знать! И думать о ней – не хочу! Если бы в моей жизни было время для девушки, ею бы точно стала не она. Не такая, как Агния – огненная и беспокойная

особа, от которой не знаешь, чего ожидать. А человек гораздо тише и спокойнее. Уютнее.

Возможно, как Элла...

Я влился в поток студентов и спустился по лестнице. Оказавшись на втором этаже, остановился и выдохнул, понимая, что идти на английский нет никакого желания. Пропускать пары было не в моих правилах, но тему я знал, а настроение сидеть и тупить – напрочь пропало. Осталось стойкое желание обо всем забыть и просто выспаться. Давно пора! Слишком насыщенной на цели и обязанности последнее время стала моя жизнь.

– Морозов? Антон, подожди-ка!

Преподаватель физики и термодинамики, женщина старше средних лет, показалась из-за угла коридора и поравнялась со мной. Отозвав в сторону, остановилась у окна.

– Здравствуйте, София Витальевна.

– Здравствуй, Антон. Скажи, ты не видел сегодня Катю Уфимцеву? – спросила с присущей ей строгостью во взгляде. – Я ее ищу, но в аудиториях Кати нигде не видно. Она мне нужна.

– Нет. А что случилось? Что-то серьезное?

Девушка была моим другом, и в душе неприятно всколыхнулось волнение. Завтра Кате предстояло читать доклад по квантовой физике перед всем факультетом, мы не раз с ней этот доклад обсуждали, и я знал, что она очень переживала, как все пройдет.

Катя Уфимцева совершенно обоснованно слыла в нашем университете уникалом и вундеркиндом. Окончив школу в шестнадцать лет, за два года обучения на физико-математическом факультете эта худенькая, но упрямая девушка умудрилась одолеть программу четырех сложных курсов и сейчас в свои неполные девятнадцать готовилась к поступлению в магистратуру. Она с легкостью выигрывала местные универсиады и собиралась защищать честь университета на международной олимпиаде физиков в Мюнхене. Мы познакомились с ней еще во время учебы в старших классах школы, вместе участвуя в олимпиадах по точным наукам. Однажды я увидел тощую девчонку в больших очках, заговорил с ней и понял, что никого умнее не встречал. Так и началась наша дружба.

– Ничего серьезного, Антон, – успокоила София Витальевна. – Обычные учебные моменты. Завтра на факультете день докладов по физике, будут присутствовать журналисты и совет университета. Сергей Михайлович хотел еще раз собрать в деканате всех участников, чтобы уточнить очередность выступления. Не знаешь, где бы она могла быть?

Конечно, знал! Я уже достал из кармана сотовый, собираясь звонить Уфимцевой, но вовремя опомнился. Ответить на вопрос оказалось не сложно, а вот отвлекать подругу не хотелось. Я, как никто другой, понимал, как важен в период работы момент концентрации. Об этом мог бы догадаться и наш декан Крокотуха, вместо того, чтобы лишний раз бес-

покоить студентов перед их ответственным днем.

– Вы же знаете Катю, София Витальевна. Она пока не будет уверена в успехе на сто процентов, пока своего не добьется – перестает существовать для мира. – Я улыбнулся. – Наверняка Уфимцева сейчас в библиотеке с ноутбуком – строит квантовые теории и обдумывает доказательства, чтобы завтра удивить нас всех. Я и сам люблю это тихое место. Если надо, я, конечно, схожу и позову ее, но не думаю, что для нее так уж важна очередность.

Я понадеялся на отклик понимания в глазах женщины и не ошибся. София Витальевна вздохнула и, прежде чем уйти, похлопала меня по плечу.

– Думаю, ты прав, Антон. Ладно, мы сами с Сергеем Михайловичем решим этот вопрос. Кстати, как обстоят дела с твоим проектом и поездкой? – спросила с интересом. – Уже выбрал тему?

В прошлом году моим самостоятельным проектом по астрофизике заинтересовался один крупный научный университет. Ни на что особо не надеясь, я отослал работу для участия в международном конкурсе и неожиданно оказался в лидерах. Моя теория пришлась по душе канадским физикам, и этим летом один из университетов Торонто пригласил меня посетить их с исследовательским визитом, а заодно представить на суд коллег еще один проект – по любой интересующей меня теме. Вот об этом и спрашивала преподаватель.

– Почти. У меня есть идеи, но нужна информация. Сейчас

я собираю материал и готовлюсь к работе. Впереди четыре месяца, так что надеюсь все успеть.

Женщина довольно кивнула.

– Это хорошо. Но если будет нужна помощь, Антон, – обращайся. Ты всегда знаешь, где меня найти.

– Да, спасибо, София Витальевна. Знаю.

Я развернулся и ушел, не найдя смелости признаться преподавателю, что скорее всего ни в какую Канаду не поеду. Даже сделав проект.

Здесь мои надежды могли обрушиться в одночасье. Если с фантазией и идеями у меня никогда проблем не было, то со средствами проблема существовала. Все еще непреодолимая, как бы я ни пытался «взбить масло» и заработать деньги своими силами.

Зря я все это затеял – игру с зарубежными университетами и собственным «я». В отношении последнего я был ничуть не лучше Корсак – надо это признать. Мной тоже двигало желание самоутвердиться и достичь цели любой ценой. Но кроме этого я хотел доказать себе, что способен прожить свою жизнь не зря и сделать этот мир для кого-то лучше и интереснее. Возможно, правдивее. Вот только дорогостоящую поездку в Торонто, не говоря уже о проживании в чужой стране, моя семья себе позволить не могла, какая бы благородная цель мною ни двигала.

Я это понимал, однако мириться не хотел.

У меня все еще оставалось время, прежде чем принять

решение от всего отказаться.

Думая об этом, я прошел мимо аудитории, в которой должна была пройти следующая пара по английскому, и заспешил к выходу. Но ушел из университета не сразу. Лишь после того, как заглянул в библиотеку и убедился, что с Уфимцевой все в порядке.

Глава 2

– Оля! Эй, Ольга! Выгляни в зал, там твой сын пришел! Можешь сразу и товар в отделе разложить – как раз Антон и поможет! А то я пока полки банками с грибами и ананасами заставила, чуть коньки не откинула. Думала уже, что не разогнусь!

Я закинул рюкзак на плечо и сунул руку в карман джинсов, остановившись у входа в подсобное помещение крупного супермаркета, в котором работала мама. Иногда она сидела на кассе, а иногда выходила в зал – вот как собиралась сейчас. У меня давно вошло в привычку заходить к ней за продуктами в ее рабочие смены.

– Тетя Таня, скажите маме, пусть не спешит! Я подожду. Стоявшая у входа высокая и полная женщина рассмеялась.

– Ох, Антошка. Да какая ж я тебе тетя? Мне же тридцать семь всего! Хорошо, что никто не слышит! Ты меня лучше просто Татьяной называй, я так себя моложе чувствую. Ты же в курсе, красавчик, что сердце не стареет? – Женщина подмигнула и поправила рукой форменную шапочку с логотипом магазина, которая кокетливо сидела на ее взбитой макушке. – Особенно женское. Вот как увижу симпатичного парня, так и начинает стучать! Едва не выпрыгивает, прямо как сейчас!

Я улыбнулся и пожал плечами. Однажды я вырос, но все еще не мог привыкнуть к шуткам маминой подруги.

– Ну, разве что теоретически, – предположил.

– В курсе он. Еще как в курсе!

Из подсобки показалась мама и выкатила следом затаренную товаром тележку. Поравнявшись со мной, чмокнула в щеку и привычно оглядела сына на целостность и сохранность.

– Привет, Тошка. Уже освободился? Что-то ты рано сегодня, – довольно заметила.

– Привет, мам. Так получилось.

Повернув тележку к проходу, мама погрозила подруге:

– Татьяна, перестань мне смущать ребенка! Я все слышала! Ты же знаешь, какой он у меня застенчивый. Он тебя с пяти лет помнит, кто ты ему, как не тетка?

– Твой ребенок стал таким видным парнем, Ольга, что скоро отбоя от невест не будет! Все привыкнуть не могу – только недавно был светлым и кудрявым мальчишкой, все его с девочкой путали, а теперь вон каким мужиком вымахал! Антон, ты когда уже мою Аньку-то на свидание пригласишь? Ей уже восемнадцать, я разрешаю! Хоть бы раз к нам в гости заглянул – дочь все о тебе спрашивает.

– Учится он у меня, Тань. Некогда ему о свиданиях думать!

Когда мама так говорила, я и в самом деле начинал краснеть. Вроде бы пора и привыкнуть к подобным шуткам, а не

получается.

– Мам, может, хватит? – Я отобрал тележку из рук матери и покатил перед собой. Удаляясь по проходу, обернулся к старой знакомой: – Тетя Таня, не обращайтесь внимания! Передавайте Ане привет, как-нибудь увидимся!

В тележке лежали пачки с крупой, и на повороте мама придержала их рукой.

– Сынок, а может, и правда, пригласил бы Танину дочь в кино? – сказала устало. Ее рабочая смена начиналась очень рано, и к моменту моего прихода, как правило, день уже успевал ее утомить. – Сходили бы оба, развеялись. Ведь одна учеба у тебя на уме – разве так можно? Я в твоём возрасте уже тебя нянчила.

– Можно, мам. Все можно, когда есть цель.

Я привык учиться, меня всегда интересовало все новое и необычное. А еще – так было легче не чувствовать одиночества в нашей маленькой квартире. Уже тогда, когда мне было семь лет и мать вышла замуж во второй раз.

Сейчас она вздохнула и погладила меня по руке:

– Эх, Тошка, и в кого ты у меня такой умный? Вот бы сестре твоего ума хоть немного досталось. Сейчас Кристинка не хочет учиться, а потом будет, как я – всю жизнь гнуть спину на чужого дядю. Не понимает, глупая, что ты не всегда будешь рядом и ее баловать.

– Я ее не балую, мам.

Голубые глаза, не похожие на мои, взглянули с сомнени-

ем.

– Ну, конечно! Кто тебя просил Крисье смартфон новый покупать? А теперь ей наушники блютусовые подавай и эту, как ее – селфи-палку. Скажешь, не баловство это? А как же Канада, сынок?

Канада все еще оставалась призрачной мечтой, а сестра была рядом – самая настоящая. Егоза, но я ее любил.

– Не начинай, мама. Она ведь хотела. Кристине двенадцать лет. У всех есть, ей тоже хочется.

– Да откуда ты знаешь, что хочется-то?

Как всегда, когда мысли возвращались к отчиму, ответить получилось резко:

– Знаю. Он мне никогда и ничего не покупал. Вот и ей тоже, хотя Кристина его дочь. Иногда, мам, достаточно при-
мера.

Мы оба замолчали, оборвав разговор, потому что в его продолжении смысла не было.

Родители считали, что у нас с сестрой есть все необходимое. А если необходимое – это еда и крыша над головой, то с такими доводами сложно поспорить. Однако никто не за-
прещал мне с этим не согласиться.

Я помог разгрузить тележку, купил в магазине необходимые продукты, чтобы мать не несла их домой в руках, и ушел. Для меня день только начинался.

Дома никого не оказалось. Из университета я вернулся

раньше обычного, и сестра еще не успела прийти из школы. До ночной смены в почтовом отделении доставки, где я чуть больше года работал грузчиком, сортировщиком и младшим менеджером в одном лице, еще оставалось время, и, приняв душ, я просто завалился спать. Прошлая ночь тоже выдалась рабочей, и сейчас очень хотелось забыться.

Скорее всего, я бы проспал, глубоко провалившись в сон (последнее время я только так и спал, мгновенно переходя из одного состояния в другое), если бы не сестра.

Кристина прыгнула коленями на кровать и взъерошила шустрой рукой мои волосы.

– Соня, просыпайся! Эй! На работу опоздаешь!

Снов я не видел, лишь один сплошной уютный провал, из которого не хотелось выбираться. На какую еще работу? В ответ что-то невнятно промычал и отмахнулся.

– Ну же, Тошка, вставай! – возмутилась сестра. – Сам ведь потом будешь ругаться и бежать сломя голову, я тебя знаю!

Я оторвал щеку от подушки, сонно провел ладонью по лицу и взглянул на сестру.

– Привет, мелкая. А сколько сейчас времени?

Мелкая вздохнула и сползла с кровати.

– Вообще-то, почти семь! Так что, если хочешь успеть на смену – вставай! Кстати, я тебе картошку пожарила, будешь?

Есть я хотел. При мысли о еде желудок тут же заурчал и потребовал топлива. А за ним и улыбка скользнула на губы.

– Спрашиваешь! Я голоден, как волк! Сейчас, еще пару

минут полежу и встану...

Кристина слезла с кровати, села на пол и опустила на край постели подбородок.

– Антон, ты сильно устал, да? – вдруг участливо спросила, вздохнув. – Очень?

– Терпимо.

Я ответил неохотно. С некоторого времени, подкравшегося незаметно, сестра подросла и стала меня жалеть, что было непривычно и, как факт, сложно воспринималось. Это я до сих пор нес за нее ответственность, это я все детство и юность опекал девчонку-сорванца, которая нагло меня эксплуатировала, и чему я в принципе не был против. А теперь вот она бросает в стирку мои футболки, жарит картошку и спрашивает, устал ли я...

Как давно это было – мне восемь лет, новый мамин муж, и вдруг, когда я остро чувствовал, что одинок, – появление в жизни родного человечка.

Нет, я не злился и не ревновал, как боялся отчим, и не собирался воевать в семье за внимание. Все произошло само собой. Сначала в моей комнате появился хнычущий, сопящий младенец, затем ежедневные прогулки с коляской во дворе, а затем уже просто прогулки с сестрой.

Отчим пропадал на работе и рыбалке, отсыпался, мама брала дополнительные смены в магазине, а я, как умел, воспитывал Кристину. Вытирал ей нос, кормил, забирал из детского сада, а потом из школы. Ей первой рассказывал фан-

тастические истории, которые придумывал сам, и с ней же рассуждал о будущем Вселенной.

Даже не верится, что ее отцом был человек, которого я никогда не любил, но ради матери примирился с его присутствием в моей жизни.

Наши отношения с отчимом не задались с самого начала – уж не знаю, чем я – тихий и некапризный ребенок, не пришелся ему по душе. Но он, мужик скупой и недалекий, с вечными нравоучениями и советами, никогда и не старался мне понравиться. Его жизнь была однообразной и плоской, как рельсы, по которым он водил свой тепловоз, а мне хотелось видеть дальше. Оглядываться по сторонам и смотреть на жизнь другими глазами. Не разочаровываясь, а обретая.

Я отлично помню, как он смеялся над моими вопросами, которые я, будучи мальчишкой, задавал маме. Называл чудилой, а наедине, когда она не слышала, ноющей белобрысой девчонкой.

Но здесь он врал. Я никогда не ныл, не жаловался, не просил и не заглядывал ему в рот, чтобы показаться своим. Именно назло отчиму, рано облысевшему и прикрывавшему плешь жидкой прядью волос, я и носил свою волнистую длинную шевелюру. Не будь его рядом – давно состриг бы.

Вот когда-нибудь уеду, тогда и подстригусь, а сейчас я вел с отчимом особый счет. И как бы ни было трудно, а в нашей маленькой войне я точно не проигрывал.

И все же я никак не мог ожидать, что моя младшая сестра

– любимая мелкая вредина, как только ей исполнилось пять и она стала что-то понимать, не сомневаясь займет мою сторону. Похоже, и для ее отца это стало сюрпризом.

Конечно, я знал, что пройдет совсем немного времени, и мне придется уйти из дома – уже сейчас нам с отчимом было тесно вместе, хотя наша двухкомнатная квартира и принадлежала матери. Наверное, еще и поэтому так хотелось поскорее встать на ноги и обеспечить себя сначала самым необходимым, а потом и жильем.

А еще Кристина тоже выросла. Превращалась из ребенка в юную девушку, подолгу болтала с подружками, зависала в Инстаграме и обставляла комнату разными девчачьими штучками. Мгновенно увлекаясь чем-то новым, зачитывалась книгами, и я не мог не радоваться тому, что в моей сестре уже в двенадцать лет гораздо больше здравого смысла и надежды стать человеком выше плоского мира, чем в ее отце.

А еще все чаще задумывался о том, что ей нужна своя территория.

После того, как неделю назад я подарил ей на день рождения новенький смартфон, сестра фотографировала и снимала на видео все, что могла. Вот и сейчас эта вредная мелочь взяла и сняла на камеру меня полусонного, с приоткрытым глазом.

– Крис, перестань! – Я махнул рукой, но она увернулась.
– А ты просыпайся, соня! – вскочила на ноги, отпрыг-

нув. – А то не перестану! Еще подружкам тебя покажу, вот!

Глаза тут же открылись, и щека оторвалась от подушки.

– Я тебе покажу! А ну, дай сюда сотовый! – Но рука вновь промахнулась, и я сдался. Снова лег, запустив пальцы в волосы надо лбом, убирая их от лица. – Лучше скажи, как дела в школе, – спросил. – Написала контрольную?

При упоминании о школе сестра тяжело вздохнула и убрала смартфон в сторону. Села на свою кровать, согнув ноги по-турецки.

– Не знаю, – сухо буркнула. – Кажется.

Глядя на ее нахмуренные брови, я спросил строже:

– А конкретнее?

Как всегда, когда Кристина считала, что жизнь к ней несправедлива, возмущение выплеснулось из нее фонтаном слов.

– Антон, я не виновата, что не понимаю! Я знаю, ты мне все объяснил, но видел бы ты эти задания – они же совершенно дурацкие! Даже Инка Потапенко – и та не смогла все решить, а она, между прочим, отличница! А Анна Владимировна такая, говорит: «Ничего не знаю, сдавайте работы, это легкая тема». Ха! Ничего себе легкая! Терпеть не могу алгебру! Ненавижу дроби! Да кто это занудство придумал?! И вообще, я решила, что буду фотографом, зачем она мне нужна?! – Сестра распахнула голубые глаза и притихла. – Антон, правда же?

Мы потратили с ней на подготовку к контрольной три дня.

Тема действительно была несложной, учительница сказала правду. Сложным оказалось сосредоточить на ней внимание, когда руки чесались из-за новенькой игрушки.

Я выдохнул и посмотрел на мелкую с незлым укором.

– Неправда. Год назад ты хотела быть официанткой, еще недавно – журналистом, а в девять лет – дрессировщицей львов.

– Это потому, что мне хотелось собаку.

– У тебя был хомяк, а сейчас есть золотая рыбка – дрессируй. Научишь ее говорить, так и быть, пошлешь алгебру к черту! В сравнении с таким талантом любая наука проигрывает. Сразу получишь нобелевку и заживешь, как Бейонси в особняке за сто миллионов баксов. Слушай, Крис, – я привстал на локте и наклонился к сестре, – а может, тебе и правда стать певицей? В детстве ты так красиво кричала: «Отдай, это мое!» Голос у тебя есть, осталось найти своего Джей-Зи, и никаких дробей! Как тебе такая формула удачи?

С чувством юмора у сестры было все в порядке, поэтому она ожидаемо хмыкнула:

– Ха-ха. Не смешно!

– А по-моему, так очень. Кто-то совершенно точно будет переписывать контрольную и сегодня же разберет все задания.

– Ну, Антон!

– Кристина, не спорь!

Спорить мы не любили, и сестра уступила.

– Ладно. Но я все равно буду фотографом! – заявила упрямо. – Они свободнее и круче! Весь мир для них!

Кристинка вскочила на ноги, схватила со стола смартфон и, включив камеру, навела на меня.

– Антон, улыбнись! – звонко скомандовала. – Когда ты без очков, ты такой симпатичный!

Вместо улыбки я перевернулся на спину, закинул руку за голову и показал сестре язык.

– Вау, классный снимок! Тошка, давай еще!

– Чего?!

Вскочив с кровати в один прыжок, скрутил мелкую в узел и отобрал смартфон, но она заверещала, и пришлось и ее отпустить, и сотовый отдать.

– Ладно, тише ты! Забирай. Но чтобы все удалила! Поняла?

– Ага! Конечно! Обязательно! Вот как скажешь, так все и сделаю!

Я со смехом подошел к окну и отодвинул тюль. Выглянул на улицу. В последние числа апреля дни стали заметно длиннее и теплее, и все же уже смеркалось. Совсем скоро пора выходить на работу. Я завязал волосы на макушке в хвост, оставив открытыми выбритые виски, и ушел в ванную комнату бриться. Когда стоял с бритвой у зеркала, сбоку снова сработала вспышка.

Ох, кажется, на этот раз от идеи стать фотографом сестра так просто не откажется.

– Крис, перестань. Ты мне мешаешь.

– А на ком мне еще учиться? Снова скажешь «на рыбках и хомячках»? – услышал знакомое возмущение. – Скучно.

– На подругах и друзьях. Да откуда я знаю? Хотя на парнях из школы, но мне тебя развлекать некогда.

Сестра странно затихла, но не ушла, и я обернулся.

– Эй, ну что опять?

– Ничего.

– Кристина, мы с тобой всё обсуждали. Никакие домашние задания я за тебя делать не стану. Помочь – помогу. Но только завтра. Извини, раньше никак.

– Да нет, я не об этом совсем.

– А о чем?

Сестра покусала губы, накрутила на палец прядь волос и оперлась плечом на дверную коробку. Стала царапать на ней ногтем каплю застывшей краски.

– Антон, как ты думаешь... Только скажи честно. Я красивая? Ну, могу я кому-нибудь понравиться по-настоящему? Как женщина?

– Что?! – От удивления я чуть не порезался и выронил из руки бритвенный станок, но тут же подхватил его в умывальнике и сполоснул под краном.

Мне еще предстояло привыкнуть к тому, что моя младшая сестра превращается в девушку, а вот к новости, что она уже считает себя женщиной, я оказался не готов. К тому же такие разговоры вызывали определенную неловкость. Ей бы

с мамой поговорить – вряд ли здесь помогут советы брата или не по возрасту умных подруг, но жаль, что у той после работы оставались силы разве что прийти домой и приготовить ужин.

Я обернулся и посмотрел на Кристину. За последний год она вытянулась и стала похожа на аистенка. Все в ней было тонким и длинным, еще не оформившимся, а потому немного неуклюжим. Даже лицо, став длиннее, еще сохранило детскую непосредственность и усыпанный веснушками нос. Но, конечно, она обещала стать очень симпатичной девушкой.

Однако вопрос был задан не просто так, и я вскинул брови.

– Ты что, в кого-то влюбилась? Поэтому спрашиваешь?

Именно. Нос в веснушках мечтательно вздернулся.

– Ну, мне нравится один мальчик. Он классный геймер и одевается стильно. Только он старше.

Вот теперь мои брови сошлись над переносицей. Я перекрыл воду и вернул бритву на полку, понимая, что мысли приняли не самый приятный оборот.

– Какой еще мальчик? И что значит «старше»?! Кристина, ты где с ним познакомилась? В сети?! Давай рассказывай, как есть!

Кто их, сегодняшних тинейджеров, знает! В ее возрасте я точно на девчонок-одноклассниц не заглядывался, а она уже помнит всех современных кумиров! Вдруг она влезла туда, куда влезать опасно?

– Да нет же! – сестра вздохнула. – Он учится в нашей школе в восьмом классе.

– А-а, – от души отлегло. Даже странно, что за секунду я успел подумать черт знает о чем! Даже вспомнить, где находится ближайший полицейский участок! А все оказалось просто. Или пока что просто. – И... что теперь?

Похоже, сестру мой последний вопрос зацепил. Мелкая надула щеки, обиженно сверкнув глазками.

– И ничего! Я тебя о другом спрашивала! Тебе что, сложно ответить, красивая я или нет?

– Ну, ты, э-э, очень симпатичная. И обязательно станешь красивой... когда-нибудь. Лет через пять.

– Лопух!

– Чего?!

Я дернулся вперед, но дверь в ванную комнату перед носом с шумом захлопнулась. Пришлось открывать ее и идти следом за сестрой в нашу спальню. И пусть я не был асом дипломатии, но знал, что женские истерики лучше гасить в зародыше.

– Эй, Крис, ты что, обиделась? Ну, извини. Неудачно сказал. Конечно же, ты красивая, но пока еще девочка. До женщины придется подрасти.

Кристина сидела на своей кровати, поджав под себя ноги, и смотрела в окно. Как только я вошел, запустила в меня плюшевым медведем, с которым спала с трех лет (потрепанным и одноглазым, но с любимой игрушкой она расставаться

не хотела).

Само собой, я его тут же поймал – в своих обидах сестра точно была женщиной, и «прилетало» мне не первый раз.

– Вот и Денис такой же лопух, как ты!

– А я-то почему лопух?

Значит, парня из школы зовут Денис? Надо запомнить.

– Да потому что! А скажешь, нет? Тебе, Тошка, двадцать лет, а у тебя до сих пор нет девушки!

– Хм. И что из этого?

– А то! Из-за своих теорий ты и не заметишь, как жизнь пройдет мимо! Р-раз – был Антон Морозов молодым. Два – стал скучным и старым факапером², вот!

Ничего себе! Я не устал удивляться тому, как быстро и отовсюду сестра успевала нахвататься сленговых словечек.

– Ну, я думаю, об этом еще рано переживать, – сказал примирительно. – И потом, у меня нет времени на девушку, и ты это прекрасно знаешь.

Я вспомнил Эллу, ее переменчивое настроение, которое не мог понять, и грустно выдохнул.

– Но, кажется, мне нравится одна...

– Что?! Только кажется?! – Сестра ахнула и обиженно выпятила подбородок. – Прекрасно! У меня есть старший брат, но у него нет личной жизни! Мне даже подругам похвастаться нечем! У Каринки брат уже с третьей девчонкой встречается, а у Ленки Гусевой Сашка только в десятом, но у него

² Факапер – неудачник. От слова «факап» (англ. fuck up).

уже было два свидания! Думаешь, мне не обидно?

– Мне – нет, – ответил честно. – Как-то не приходило в голову.

– Да у всех есть девушки, кроме тебя! И это – полный отстой, понял!

Судя по тону, обвинение прозвучало серьезное, и удивление переросло в озадаченность.

– Кристина, да что за ерунда с тобой творится? – Я подошел ближе к сестре и положил медведя на ее постель. – У кого это «у всех»?

– У Сашки Гусева, у Гарри Стайлса, у Коула Спроуса и даже у его брата-близнеца! У всех, у всех есть! А ты – ничем их не хуже!

– Кристин, глупость какая-то. Неужели моя личная жизнь волнует твоих подруг?

Сестра опустила голову, утерла нос... и вдруг из ее глаз закапали настоящие слезы – крупные и горькие.

– Я не хочу, Антон, чтобы надо мной смелись. И над тобой тоже! Я хочу, чтобы у тебя была девушка – лучше всех!

Я присел на кровать и притянул мелкую к груди. Погладил по голове, думая о том, что только о такой неприятности и можно сожалеть в двенадцать лет.

Когда сел ужинать, домой вернулся отчим. Мы с ним годами не здоровались и не прощались – сам так приучил. Раньше он меня не замечал, а потом я подрос, принял это пра-

вило и повторил за ним модель поведения. Вот и сейчас он вошел в кухню и просто сказал:

– Где мать?

– На работе.

– А ты?

– На работу.

– Есть что на ужин?

Я не собирался ему прислуживать и тыкать пальцем, как дикому аборигену, где в нашем доме спрятана еда, поэтому просто пожал плечами. Но на ужин определенно что-то было, и лежало оно в моей тарелке.

– Кристина! – повысил голос отчим. – Суп остался? Разогрей!

– Не могу, пап! Мне некогда, я уроки делаю! – звонко донеслось из спальни. – У меня тройка по контрольной! Антон сказал, что надо исправить, а то Анна Владимировна вызовет тебя в школу! А она у нас такая зануда, пап, кого хочешь достанет!

В руке отчим держал большой пакет с рыбой и, оглянувшись, опустил его в кухонную мойку.

– Потом сделаешь свои уроки. А кто будет рыбу чистить?

– Фу-у! Терпеть не могу рыбу! Сам любишь, сам и чисти!

– Тебе мать не жалко?

– А тебе не жалко? Или у тебя рук нет?

Если бы я тут не сидел, отчим бы обязательно прикрикнул на дочь, а так промолчал. Засопел, открывая холодильник и

поглядывая в мою сторону. Он тоже никак не мог привыкнуть к тому, что я вырос.

Да, у его дочери не было времени и желания, чтобы почистить рыбу, и, если бы не мой подарок, не было бы смартфона, что отчима вполне устраивало. Зато у него самого была машина, баня на даче своих родителей, новая шведская моторная лодка и друзья, которым он этой лодкой хвастался.

Он совершенно точно был способен сам позаботиться о своем ужине.

Я доел, вымыл за собой тарелку, оделся и ушел. Чай пить расхотелось. Надеюсь, что на работе выпадет свободная минута.

Глава 3

Почтовая служба срочной доставки «Service life» слыла фирмой серьезной и функционировала круглосуточно, включая праздничные дни и выходные. Клиенты обслуживались с восьми утра до восьми вечера, все в сервисе было заточено на увеличение скорости доставки, поэтому работа не стихала и ночью. Трудился транспортный парк, диспетчеры, грузчики и младшие менеджеры, обслуживая связь между отделениями по всей стране. Шла корреспонденция, посылки и различные грузы, а значит, компания нуждалась в тех, кому предстояло загрузить, разгрузить, отследить и упорядочить транспортировку отправок.

Обычно за ночь мне приходилось выполнять различную работу, быть и сортировщиком, и грузчиком. Последнее время меня пытались подключить к команде менеджеров и логистов, предлагая полную занятость, но я всякий раз отказывался, предпочитая работать по ночам – оставляя себе на отдых несколько свободных ночей в неделю.

Заработок выходил не ахти какой, но вместе с повышенной стипендией и платными лабораторными, которые я делал в основном для студентов с других факультетов, удавалось кое-как сводить концы с концами и держаться на плаву.

Удавалось бы, если бы не конкурс и не поездка с проектом в Канаду. И не собственное будущее, которое я мечтал

связать с наукой.

Черт! Мне нужны были деньги, и следовало хорошенько подумать, где их взять.

Около трех ночи отъехала загруженная машина, я забрал из складского помещения накладные и вошел в кабинет, где стояли столы менеджеров. Сев за один, внес в компьютер данные по отгрузке (как старший смены) и посмотрел на часы. Наступило время небольшого перерыва, когда можно было часа два отдохнуть, и я достал из рюкзака ноутбук. Раскрыв его, подключился к Wi-Fi, но прежде чем войти в интернет, открыл в Word текстовый документ с неоконченной рецензией на книгу...

Уже три года я вел на «Фейсбук» собственный литературный блог. Сначала не думал ни о чем серьезном, просто делился с друзьями и миром мнением о прочитанных книгах – слишком много было мыслей в моей голове, слишком много желания высказаться и внутреннего противоречия. Но неожиданно блог обрел популярность, пошел отклик, и подписчиков прибавилось. Теперь их у меня насчитывалась не одна тысяча – тех, с кем я вел диалог на своей странице.

Однако в последнее время с необходимостью думать о будущем свободного времени убавилось. Я уже не глотал книги запоем, как когда-то, будучи не в силах утолить жажду знаний и впечатлений. И все же старался читать каждую свободную минуту – дома, в транспорте, в университете.

Мысли никуда не ушли, они по-прежнему жили во мне

– целый хаос идей самого разного характера, как и потребность их изложить, что я и делал. Иногда в рецензиях, иногда в разговоре в сети, в научных проектах, а иногда в рассказах. Последние, правда, я никому не давал читать, кроме сестры, но Крис они нравились, и пока мне этого было достаточно.

Я закончил рецензию, закрыл ноутбук и потянулся. Диспетчер сообщила, что машина на разгрузку в отделение придет к пяти часам утра, а значит, у меня оставался еще целый час.

Я вернулся на склад и уснул – так же, как ребята, прикорнув на диванчике возле коробок.

POV Агния

Сегодня она выглядела намного лучше – почти так же хорошо, как я ее помнила – короткие кудри завитого парика и легкий макияж. Она по-прежнему была очень худа, но после месяца лечения в израильской клинике к ней вернулся аппетит, заиграло румянцем лицо, а с ним и настроение улучшилось. Я любила, когда она улыбалась – в этот момент я вспоминала свое детство и нас. Бабушка всегда говорила, что мы – команда. Именно так я ей и ответила, когда, узнав о ее болезни, к недовольству родителей, оставила учебу за границей и вернулась домой: «Мы команда, Ба! А учиться там я никогда не хотела, ты же знаешь».

У бабушки всегда было отличное чувство юмора, а вот терпения не наблюдалось. Потому и сейчас она прервала мой

рассказ о командировке отца в Южную Америку нетерпеливым взмахом руки:

– Последние десять лет мне кажется, что мой единственный сын – не потомок польского дворянина, которого я воспитывала соответственно, а герой сериала «Следопыт» в пыльнике и сапогах, которому дали карту страны Эльдорадо, но забыли упомянуть, что эта страна – миф. И теперь он ищет ее до крови из носу, но все никак не может найти. Это никогда не закончится, Агнешка. Я вижу его по телевизору чаще, чем в жизни, и уже перестала надеяться, что ему надоест. И тебе не советую!

Мой отец, сделавший в прошлом отличную карьеру актера кино, а после – с легкостью с ней расставшийся, сейчас вел на телевидении известное шоу о путешествиях и различных гонках по всему миру и редко появлялся дома. Его породистое, красивое лицо с ямочками и узнаваемой улыбкой сердцеда нравилось зрителям, крепко держало рейтинг, и каналы платили за этот рейтинг большие деньги. Пожалуй, мы могли бы жить в Малибу, если бы кого-нибудь из нашей семьи это прельщало. Но – увы. В этом отношении я была дочерью своих родителей.

Я помню, как однажды мать сказала: «Гораздо интереснее светить в том месте, где ты не один из сотни светодиодов, а единственный яркий софит». На что мы с отцом дружно согласились.

Мать играла в театре и, похоже, переживала очередное

увлечение молодым дарованием. В своей жизни я уже ко всему привыкла. В том числе и к тому, что люди способны выдавать за действительность многие вещи. И любовь тоже – если это удобно и устраивает двоих.

Мои родители любили друг друга, но еще больше они любили свободу и самих себя, и не скажу, что я их не понимала. Во всяком случае, в какой-то момент взросления я тоже стала верить, что партнер по жизни – это что-то вроде респектабельного друга, который не создает проблем и с которым комфортно в любое время года.

А себя можно растратить и на страсть. Особенно если страсть – дело твоей жизни.

Да, я в это верила, пока проклятый Купидон не свел меня с Антоном Морозовым и не всадил жестоко стрелу в мое сердце, пригвоздив к парню.

Мы не были вместе, но даже мысль о другой девушке рядом с Морозко, лишь умозрительное допущение, что Кудряшка может кого-то коснуться, улыбнуться или, не дай бог, поцеловать... приводило меня в отчаяние и гнев. Заставляло кровь течь по венам расплавленной лавой, находить его взглядом в коридорах университета и не отпускать.

Такого со мной не происходило никогда. И... Черт, с этим надо было что-то делать! Выздоровливать мое сердце никак не желало!

Видимо, я, забывшись, вновь озадачилась мыслями об Антоне, потому что бабушка вдруг улыбнулась и нарочито

махнула на меня рукой.

– Ты мне надоела, Агнешка! Зудишь и зудишь. Еще и красотка хоть куда! Рядом с тобой я чувствую себя завистливой старой перечницей. Иди уже к своим парням! Они небось заждались. В прошлый раз один так названивал в домофон, что я уже думала вместо тебя на свидание пойти. Предложила ему составить компанию, а он отказался, представляешь? Невежа! Никакого уважения к старости!

Я встала из-за стола, за которым пила чай, и подошла к инвалидному креслу, в котором сидела бабушка. Присела рядом и поправила ее ноги. Ее сиделка и подруга – Любочка, женщина лет пятидесяти и просто душа-человек, поднялась было, чтобы мне помочь, но я ее остановила.

– Я сама. Извини, Дита. Не думала, что Эрик додумается искать меня здесь. Я уже предупредила его, что, если он еще раз тебя побеспокоит – оторву ему уши и все, что болтается ниже пояса. Меня не было несколько дней – уезжала из города, и, видимо, он решил, что я отсиживаюсь здесь.

Бабушка знала свою единственную внучку гораздо лучше ее друзей и совершенно справедливо скептически усмехнулась:

– Ты и отсиживаешься?! Девочка моя, но это же смешно! Я пожала плечами:

– Согласна. Мы давно расстались, потом встретились, и ему вдруг показалось, что еще можно что-то вернуть. Он не понял мотива, а я не стала ничего объяснять. Вот и решили

остаться друзьями.

Бабушка хохотнула:

– Узнаю себя. В твоём возрасте, Агния, я вертела парнями, как лиса хвостом, и всех по носу щелкала! Но неужели этот Эрик совсем не симпатичный?

Знакомый образ короткостриженного брюнета быстро промелькнул перед глазами и исчез.

– Ну почему же. Очень даже. Другим нравится.

– Ну так и не кисни дома! Сколько той молодости! Зажигай, пока горишь – ты у нас девчонка с головой. Тем более что весна на дворе!

Весна и правда за окном бушевала во всех красках – зеленая, яркая, в нюансах цветочного запаха и нежных оттенках. Таких же, как чувство в моей душе.

Знать бы еще, что с этим чувством делать.

– Ба, к тем, кто хочет меня – я идти не хочу. А тот, кто нужен мне – не хочет обо мне и слышать. Оказалось, что бывает и так, представляешь?

Вот теперь бабуля удивилась по-настоящему.

– Нет, со мной подобного не было. – Подведенная карандашом бровь поднялась. – Агнешка, неужели тебя угораздило влюбиться в новомодную звезду футбола? – Она приложила ладонь к груди. – Умоляю, скажи, что это не так!

– Это не так.

– Тогда он слепой? Или просто глупый? Детка, нет ничего хуже, чем мужчина, не способный по достоинству оценить

красивую женщину. И если это так – не стоит тратить на него время. Поверь, оценит другой – более достойный!

– Скорее, Ба, он и слепой, и глупый. И совершенно точно не хочет обо мне знать. Но это ненадолго, я справлюсь. У меня нет выбора.

– Почему?

– Потому что он мне очень, очень нравится!

Не только у бабули, но и у Любочки тоже отвисла челюсть и чуть не выпал из рук планшет. Так что пришлось рассказать все, как есть.

– Вообще-то, Антон воспитанный, честный, умный и порядочный парень. Такие не предают и не бросают. И не выбирают себе девушек, похожих на меня, – слишком самоуверенных и без тормозов. От которых не знаешь, чего ожидать. Они любят девушек домашних и зашуганных, как блохастый котенок. Тех, кого можно спасти и пожалеть. А меня он не любит, чувствуете разницу? Ему со мной неуютно. Но мне себя не изменить, я это понимаю и делаю все, чтобы его не спугнуть.

Я широко улыбнулась – не хуже, чем голодная лиса, облизнувшаяся вслед Колобку, и призналась:

– Пока не спугнуть. Но у меня ужасно, ужасно чешутся руки и кончается терпение! Он мне нужен, и я его получу!

Глядя на застывшие лица, я, не удержавшись, звонко рассмеялась. Уткнулась на секунду лицом в бабушкины колени, поднялась и обняла ее.

- Ну, я пойду. Береги себя, Дита, ладно? Я на днях загляну!
- Познакомишь с парнем-то, внучка?
- Обещаю!

Я остановила «Ауди» на красный сигнал светофора и с досадой выключила в автомобиле видеоплеер, оборвав композицию Imagine Dragons на высокой ноте. Когда в моей машине находилась Милена, бесполезно было пытаться отвлечься на музыку. Столько звуков одновременно в одной тональности мой мозг отказывался воспринимать.

– ...а я ему говорю: «Тебе что, Марджанов, трудно было мне позвонить? Или в Стамбуле нет электричества, Wi-Fi заблокирован, а роуминг запрещен Женевской конвенцией?» Я неделю ждала! Целых шесть дней! А он, гад, даже и думать обо мне забыл! Наверняка развлекался в свое удовольствие, как он это умеет! Да пошел он, хватит с меня! Я себя тоже не на свалке нашла!

Подруга смяла упаковку с салфетками и забросила в сумку. Провела ладонью по ярко-рыжим волосам, взметнувшимся от порыва ветра, залетевшего окно, и сердито выдохнула.

Сейчас обида в ней кипела возмущением и выплескивалась через край. Не первый раз, кстати, кипела, и даже не десятый, так что я не спешила удивляться. Полчаса назад она нашла меня в фитнес-центре «Скала», где я тренировалась

на скалодроме вместе с Макаром и ребятами, и попросила отвезти ее в знакомый бар, куда обычно вечером перед клубом заходил Марджанов с друзьями.

Как по мне, так, честное слово, оно того не стоило.

– Если послала, то зачем к нему ехать, Милен? Может, лучше дать Марджанову время подумать?

– О чем? – Девушка всхлипнула.

– О разном. Как вариант – осознать в полной мере глупину своей вины. Соскучиться, приползти на коленях, и все такое. А вдруг это поможет ему залатать провалы в памяти? Что-то с ним в последнее время слишком часто случаются рецидивы странной болезни.

– А если он не соскучится?

Я бросила на подругу короткий взгляд.

– Милена, перестань делать вид, что ты не понимаешь. Ты вроде не святая, над головой нимба нет, чтобы терпеть такое отношение. Или уже смиришься и заканчивай истерить, если тебя все устраивает. Или...

– Или что?

– Обруби и живи дальше.

Подругу это предложение не устраивало, но она лучше меня знала, чем все закончится. Однако обижаться – это куда легче, чем принять решение.

– Тебе хорошо говорить, Агния, – шмыгнула носом Миленка. – С тобой парни так не поступают. Хотела бы я на них посмотреть, если бы была тобой. Ты вон первая Макса

и Эрика отшила, а они все равно о тебе спрашивают. И другие девчонки им не помеха.

– Это потому, что я не обещаю и не строю замки надежд, а иду туда, куда хочу. И на твоём месте я бы об Русика давно ноги вытерла и забыла, как его зовут. Нашла, по кому страдать!

– А я и вытру! Ещё как вытру! Только сначала скажу в лицо все, что о нём думаю! Когда я злюсь, то себя не контролирую! Ему же будет хуже, если сейчас застану его с какими-нибудь девицами, как в прошлый раз. Знаешь, что этот гад сказал, когда я ему дозвонилась?

Мне было не интересно, но я спросила:

– Что?

Парочка ссорилась не первый раз, и лично у меня Марджанов всегда вызывал антипатию. Терпеть не могу парней, которые, имея пару, так и норовят сунуть руки ещё какой-нибудь девчонке под юбку.

Со мной, правда, он так не рисковал, но только потому, что я могла ответить. В отличие от Миленки я любым угрозам и слезам предпочитала действие. И ничего не забывала. Никогда.

– «Да брось, Ленка! Неужели ты на меня злишься? Ну, Зая, так и позвонила бы сама. Я просто забыл...» Он обо мне забыл, твою мать! На неделю! Нет, ну не козел?!

Я включила сигнал правого поворота и резко свернула с проспекта. Проехав по улице между высокими тополя-

ми, припарковала «Ауди» у обочины и заглушила двигатель, встав с другой стороны от невысокого здания с широким подъездом и небольшим ангаром во дворе. Оставив руки на руле, вжалась плечами в спинку кресла и уставилась перед собой.

– Эй, Агния! Ты меня вообще слушаешь?

– Не визжи, Милена. Слушаю.

– Я и вижу!

Подруга оглянулась, но я не собиралась ей ничего объяснять – себя бы понять для начала. Достаточно того, что Миленка знала: я всегда поступаю исключительно так, как считаю нужным.

– И куда это мы приехали? Почтовая служба доставки «Service life»? Агнешка, ты что, собралась отправить посылку? Так наверняка уже поздно и почта закрыта. Слушай, а как же бар?

– Будет тебе бар. Посиди пять минут, и я отвезу.

Я взглянула на часы. Морозов всегда отличался пунктуальностью, вот и сейчас показался у здания почты без семи минут восемь. В джинсах, кедах и легкой ветровке, с рюкзаком за спиной. Светлые волосы стянуты чуть выше затылка в свернутый хвост, от чего кажутся темнее. И, конечно, очки.

Интересно, почему он не носит линзы?

Я и сама не заметила, как сильно обхватила пальцами руль и подалась к окну, наблюдая, как парень идет по тротуару к отделению сервиса, в котором работал по ночам. О том, что

он меня заметит – не переживала. Мечтатель Кудряшка не отличался внимательностью, это я уже успела понять. Вот и сейчас он прошел мимо и остановился возле двух парней, куривших сбоку от крыльца «Service life».

Миленка тоже прижала свой нос к стеклу и сощурилась.

– Постой, снова тот блондинчик? Это же за ним мы ехали от университета в прошлый раз, пару недель назад? Агнешка, мне кажется или ты его преследуешь?

Отрицать не хотелось, хотелось услышать его голос.

– Тебе не кажется. Я его преследую.

– Ничего себе! И чем он тебе так насолил?

Мы учились с подругой в разных вузах, поэтому о Морозко Миленка не знала.

На этот раз я решила отделаться полуправдой.

– Он у меня кое-что отнял и не собирается возвращать. Надеется, что само собой рассосется – наивный!

Миленка, изумившись, хохотнула:

– Скорее уж сумасшедший! Даже я не рискнула бы с тобой связаться! Слушай, он же молодой совсем. Сколько ему? Восемнадцать? – удивленно спросила.

Морозов и правда выглядел младше своего возраста, но меня это почему-то не смущало.

– Двадцать. Так же, как нам с тобой.

– Да? – Уголки губ подруги разочарованно поникли. – Хм. Никогда не любила парней-одногодок – с ними так скучно! Никаких сюрпризов, все поступки можно просчитать напе-

ред.

– Ну, я бы так не сказала. С этим – не соскучишься, уж поверь мне.

– И на почте работает, – задумчиво протянула Миленка, брезгливо сморщив нос. – Здесь же платят три копейки!

Денег у Морозова не водилось, тут подруга угадала, но меня и это не волновало. Первый раз в жизни меня волновали вещи куда более приземленные. Вроде тех, которые сотни тысяч лет назад заставили приматов влезть на пальму и сорвать банан.

– Это он «пока» на почте работает! – спокойно возразила. – Ничего, для человека разумного любой труд полезен, лишь бы причинное место в барах не чесал, как твой Русик.

Я попала в точку, и Миленка покраснела.

– У Руслана защита диплома впереди. А еще его ждет место в фирме отца! Он не нуждается в подработке. Тем более в такой! – Она, фыркнув, отвернулась от окна. – Знаешь, какой он гордый?

Я лишь усмехнулась. О гордости у нас были разные понятия.

– Слушай, Агния, а давай я расскажу парням, что этот блондин тебе должен? – предложила подруга. – Пусть они сами с ним разберутся. Ты же знаешь, тебе никто не откажет.

Вот теперь у меня перехватило дыхание от возможной перспективы такого разговора. Кто-кто, а Миленка не отличалась сообразительностью, запросто могла и усложнить Ан-

тону жизнь.

Не нужно было мне ее сюда везти, но это оказался тот редкий случай, когда действие опередило мысль, стоило увидеть знакомый поворот. Да и не рассчитывала я с ней встретиться.

– Только попробуй, Архипова! – Я взглянула подруге в глаза. – Он мой!

– В смысле – твой? – Брови у Миленки взлетели, а рот приоткрылся.

Пришлось предупредить.

– Этот блондин – мой парень! И мне не понравится, если кто-нибудь хоть чихнет в его сторону, ясно?!

Морозов снял рюкзак, рассмеялся какой-то шутке приятеля и вместе с ним вошел в здание почтового сервиса, скрывшись за дверью.

Проводив его взглядом, я вздохнула и сжала губы. Мне предстояло встретиться с Кудряшкой утром – несмотря на ночные смены, он умудрялся не пропускать занятия в университете, и только мысль, что я скоро снова его увижу, помогла очнуться и завести двигатель «Ауди».

Миленка ничего не ответила, но озадачилась. Сидела хмуро и думать забыв о Марджанове. Похоже, в последнее время мое поведение не удивляло только меня.

Когда я остановила машину у входа в бар «Паутина», подруга предложила:

– Агнеш, не знаю, что с тобой происходит, но, может, пойдешь со мной? Посмотришь, как я порву с этим гадом Руси-

ком, а потом заглянем в клуб, а? Кстати, уверена, что Жанка с Иркой тоже будут не против спонтанного девичника. Мы же давно не гуляли вместе! А Ирка – та вообще до сих пор думает, что ты избегаешь ее из-за Эрика. Ну, было у них пару раз по глупости, так с кем у него не было-то? Только я тебе об этом ничего не говорила, а то она меня убьет!

Эрик точно был последним человеком, о ком я сейчас думала.

– Нет, не хочу, Милен. Нет настроения.

– Что, снова вернешься в «Скалу»? Вы там все словно одержимы своей высотой! Особенно этот красавчик Макар! У меня от одного взгляда на вас сердце останавливается!

Я посмотрела перед собой на дорогу и пожала плечами:

– Может быть.

– И насчет блондина... Давай будем считать, что я шутку не поняла, ладно? У тебя всегда было своеобразное чувство юмора. Сейчас поверю, что вы вместе, а ты потом поднимешь меня на смех.

– Пока, Милен! Хорошо тебе врезать Русику!

Я закрыла боковое окно в «Ауди» и уехала, оставив подругу с ее парнем и мыслями.

Она просила меня подвезти, и я это сделала. А смотреть на то, как Милена в слезах виснет у Марджанова на шее – у меня желания не было. И здесь мое чувство юмора было абсолютно ни при чем.

Однако я не вернулась в «Скалу» к Макару, хотя едва не поддалась такому желанию, — здесь подруга угадала. Скалодром работал до одиннадцати часов вечера, и все же на сегодня тренировка окончилась — как бы сильно я ни любила стену, а приоритетом по-прежнему оставалась учеба. Моя семья в прошлом не поскупилась на репетиторов, и сегодня — уже я не могла позволить себе не оправдать надежд на этот вклад. Поступать на физико-математический факультет я решила сама и была по-прежнему настроена его окончить, что бы мои родители об этом ни думали.

Увы, меня не прельщали ни театр, ни кино, ни все, что связывало мою семью с телевидением и искусством. Я оказалась слишком хорошо знакома с обратной стороной мира, который часто выдавал желаемое за действительное, раскрашивая серую картинку реальности дорогими фильтрами. Так мастерски, что в конце концов стирались грани и подменялись понятия.

Мать пыталась, но меня не смогло подкупить ничего — ни связи, ни знакомства, ни перспективы.

«Конкурс красоты? Серьезно? Меня научат ходить по подиуму, как живую куклу, улыбаться, как будто у меня паралич, и даже — о боже! — сделают модную фотосессию в купальнике?! А все потому, что я красивая?! Но у меня да-

уже груди нет!

– Агния, дочка, ты не просто красивая, ты – лучшая! Я воспитывала тебя быть первой! С победой в конкурсах, да еще и со связями нашего папы, перед тобой откроется блестящее будущее! Как ты не понимаешь?!

– Где? В кино или в замужестве?

Мать, в отличие от нас с отцом, любила приврать и приукрасить, но в тот раз ответила, что думала:

– Не исключено, что и там, и там. Огонёк, разве тебе не польстит, если тебе вслед оглянутся и назовут Королевой? Именно за тобой признают первенство? Для женского сердца это очень сладко, дочка.

Я искренне изумилась. Даже фыркнула:

– Конечно, нет! Ерунда какая! Мам, исключено! Мне это не интересно! И я никогда не выйду замуж по расчету!

В тринадцать лет я читала много романтической литературы.

– У тебя сейчас трудный возраст, ничего, перерастешь. У любви слепые глаза, зато очень большие ожидания, которые, как правило, не оправдываются. Такие браки имеют свойство быстро растрачивать запал. После первой любви случается вторая, потом третья... А там не успел оглянуться, как ты уже сидишь один у разбитого корыта жизни. А самое обидное, что ничего не вернуть назад. Ни молодость, ни советы!

– Но ты же любила!

– А я и сейчас люблю. Люблю твоего отца со всеми его недостатками. У меня премьера спектакля, а его нет? Ничего – люблю! У меня воспаление легких, а у него парусная регата у Карибских островов? Какая прелесть! Главное, что Вацлав душка, его все любят, а мне – завидуют! – мать, красивая шатенка тридцати пяти лет с фигурой, как у двадцатилетней девушки, уверенно и тонко улыбается. – Поверь, с этим можно научиться жить. Главное для женщины – ее комфорт.

– Но почему ты папе не скажешь, если тебе не нравится?

– Мое счастье, что я терпеть не могу истерики ни в каком виде. А на любое отношение к себе людей предпочитаю отвечать зеркально. Мужчина никогда не уйдет от женщины, если она не закатывает ему истерик и принимает в дом. Именно поэтому у тебя есть и мама, и папа, которые тебя очень любят. Надеюсь, Огонёк, в этом-то ты не сомневаешься?»

Я не сомневалась. Никогда. Родители меня любили, и я их тоже. И пусть тот разговор случился семь лет назад, мое мнение о «Шоу кукол» с тех пор не изменилось. Грудь выросла, да еще какая (мое чувство внутренней свободы позволяло мне в уединенных местах загорать топлесс), но я по-прежнему не понимала смысла подобных мероприятий и отказывалась принимать в них участие.

И все же слова мамы о неоправданных ожиданиях запомнила.

Я стала старше, вокруг меня влюблялись девчонки, теряли головы и рыдали из-за неразделенной любви, а я ждала. Глядя на них, в душе надеялась на большое чувство, пыталась отвечать на внимание парней... Но любовь ко мне не приходила. Ни большая, ни маленькая, никакая. Самые интересные парни вились пчелами, но надоедали и утомляли, как неудобная обувь. В конце концов я поверила, что утверждение психологов «Некоторые люди просто не способны любить» – это обо мне, и отодвинула счастливую формулу «комфортных» отношений на дальнюю перспективу.

Очень дальнюю, пока не увидела глаза и губы Морозова и не поняла, что утверждение ложно.

И все же еще до Морозко я не была совсем уж бесчувственной снобкой. Уже семь лет во мне жила страсть, которой я отдавала все свое свободное время.

Глава 4

Мое увлечение альпинизмом случилось неожиданно, вскоре после нашего с мамой разговора о моем будущем, когда во время летних школьных каникул я оказалась с отцом в Альпах на соревновании альпинистов в Тироле. Был август месяц, палило солнце, и мне хотелось на море, а не колесить по Австрии со съемочной группой отца, но он пообещал, что будет интересно, и не обманул.

На горном маршруте оказалось шумно, весело и совершенно свободно в кругу таких же, как мы, путешественников. Сначала мне пришлось по душе сама атмосфера тропы, а потом полный восторг завладел душой. Тот восторг, который впечатляет и вдохновляет. Ничего не предвещало этого внезапного интереса, пока я не увидела крутые, высокие скалы Альп и странных людей, карабкающихся по ним вверх с необыкновенным упорством и азартом.

В заповедном парке Тироля было множество подъемов для любителей боулдеринга³ и начинающих скалолазов, и на следующий день я решилась попробовать взобраться по самой простой стене.

В свои тринадцать лет я была стройной, но достаточно сильной девочкой, участок предназначался для новичков, и

³ Боулдеринг (англ. *bouldering*) – вид скалолазания – серия коротких (5–8 перехватов) предельно сложных трасс.

у меня получилось преодолеть мои первые четыре метра. Но не это главное! Едва я почувствовала нагретый солнцем рельеф скалы под ладонями, едва жадно вцепилась в камни пальцами, взобралась наверх и увидела улыбку отца – у меня захватило дух и с силой забилось сердце. Не от страха – я никогда и ничего не боялась, а от мысли о людях и о той высоте, которая была им под силу А значит, и мне под силу тоже.

Эти каникулы оказались для меня самыми запоминающимися и счастливыми.

Вернувшись домой, я бросила танцы, которыми занималась с пяти лет, уроки сценической речи и театральную ерунду и со страстью отдалась новому увлечению.

Удивился отец, возмущалась мама, изумлялась Дита, но мое твердолобое упрямство всех победило. Я нашла скалодром и стала проводить в скальном зале все свободное время – покорять стену и готовить себя к настоящим восхождениям. Изучала природу гор, известные маршруты и снаряжение альпинистов. Тренировала тело, делая крепкими руки и ноги, мечтала и совершенно точно знала, что когда-нибудь преодолею свой личный Эверест.

Об этой моей странной страсти, конечно, знали друзья (уже три года я выходила с ребятами на несколько горных маршрутов), поэтому и Миленка меня сегодня так легко отыскала.

Разогнав машину на трассе до ста тридцати километров в час, я пролетела расстояние до коттеджного поселка, где жила моя семья, за считанные минуты. Миновав центральную охрану, открыла пультом автоматические ворота, поставила «Ауди» в гараж и вошла в дом.

Огромный мраморный дог Чарли спал у лестницы и даже не пошевелился, лишь ухом дернул, заметив мое появление. Зато доберман Терри подбежал, распахнул пасть и радостно завилял обрубком хвоста, напрашиваясь на ласку.

– Привет, ребята.

Я присела рядом с Чарли и погладила псов – было так привычно снова вернуться к ним. В знакомую тишину просторного дома, по большей части пустовавшего без его хозяев. Такого большого, что только когда я сняла с ног туфли, поставила на комод сумку и стянула резинку с длинного хвоста, освобождая волосы, из спальни родителей наконец-то примчался мамин тойтерьер – маленькая и пугливая девочка Гретта. Повертевшись у моих ног, она получила свою порцию ласки, пробежала тонкими лапками по паркету и влезла на шею к Чарли греться.

– Агнешка, ты вернулась?

Голос раздался из кухни, и я пошла ему навстречу.

– Да, Ольга Павловна, я дома.

Из арки высунулась голова нашей домработницы и тут же исчезла.

– Детка, тогда я умываю руки и убегаю! Приборы для ужи-

на на столе, ризотто и хлеб на плите, а фреш и салат в холодильнике... В общем, все как всегда! У Виолы репетиция в театре, она звонила полчаса назад и сказала, что будет поздно! А у меня через час свидание, представляешь? У меня!

Я вошла в кухню и остановилась у порога. Когда на кухне хозяйничала Ольга Павловна – места всегда не хватало. А сейчас женщина озиралась вокруг, наводя последний лоск.

Осмотрев помещение критическим взглядом, она метнулась к столу, чтобы поправить в вазе букет-композицию из живых орхидей.

– Наконец-то. Давно пора.

Я прошла к холодильнику и достала апельсиновый фреш. Налила себе сок из графина в бокал. Сейчас мне было интересно, и я спросила:

– И кто же он?

Женщина работала у нас много лет и помнила меня еще девочкой. В ее сорок шесть лет она оставалась интересным человеком, вырастила дочь одна без мужа и все никак не могла построить свое личное счастье. Неделью назад Ирка зарегистрировала ее на сайте знакомств, и, кажется, лед тронулся.

– Он капитан полиции. Видела бы ты его – такой интересный мужчина! Правда, вдовец и есть взрослый сын, но ведь жизнь продолжается. А вдруг у нас что-нибудь и получится?

Я пожелала женщине удачи, передала ее дочери привет и вышла из кухни.

Оказавшись в своей спальне, позволила себе на пять минут упасть на диван и откинуть голову на подголовник.

Хотелось есть и спать, хорошую книгу, Морозко под бок и слушать всю ночь напролет его рассказ о тайнах Вселенной. Но учебу никто не отменял, и пока не пришло расслабление, я взяла себя в руки, включила ноутбук и потратила три часа на продолжение разработки программы, взаимодействующей с базой данных MS SQL, – мое лабораторное задание.

К часу ночи вернулась мама, мы поужинали, и я пошла в душ. Долго стояла под горячими струями, запрокинув голову, позволяя телу расслабиться, и, только почувствовав в мышцах жар, обтерла тело льдом, а после – дорогим косметическим маслом.

Так меня приучила мама, это давно стало обычной процедурой отхода ко сну, и когда я ложилась спать, именно в этот момент гораздо больше, чем в любой другой, я ощущала себя женщиной.

Даже не знаю, спала я или нет, но в начале пятого утра глаза открылись, а рука потянулась к айфону. К этому времени два раза в неделю в блоге Антона на сайте «Фейсбук» появлялись посты, в которых он обсуждал прочитанные книги, и вот уже месяц, как я не пропускала ни одного.

Профиль: Антон Морозов, 20 лет, студент.

Интересы: точные науки, философия, литература, Космос

О себе: смотрю во Вселенную. Надеюсь, что когда-нибудь Вселенная увидит меня.

Люблю рок. Мечтаю однажды оказаться в джунглях, опуститься на глубину в 40 метров и познакомиться с настоящим кейв-дайвером.

Литературный блог Антона Морозова

Сообщение от 28 апреля

Время публикации 04:01

Привет всем любителям интересных историй!

Соскучились по хорошей порции здоровой иронии и качественному слогу? Устали от жизненного штиля и ждете эмоциональной встряски?

Приготовьтесь, сегодня всего будет с избытком! Этот роман вы не забудете никогда, даже если, перевернув последнюю страницу, зашвырнете его под кровать или аккуратно вернете на полку. И когда вы читаете мое предупреждение об иронии, не спешите думать, что вас ожидает легкое путешествие в мир большой литературы. Ваше чувство юмора всего лишь смягчит погружение в реальность, но не спасет от боли падения и горького послевкуся чужой вины!

Здесь улыбка проступит сквозь слезы, а под финал станет тошно и душно. Но все определенно наладится, когда вы увидите слово «Конец»)

Жестокая и беспощадная реальность. Ирония, пропитанная чувством неотвратимого и осознанием глубины человеческой глупости.

Просто не будет. Будет смешно, горько и больно, но неизменно правдиво, вот в чем суть таланта автора!

Для войны нет разницы, союзник ты или враг, верующий или атеист. В конце концов останется лишь пепел из молодых и здоровых тел. Парней, которые просто хотели жить...

Итак, как я вам и обещал, сегодня будет знакомство с культовым романом 20-го века, работой Джозефа Хеллера «Поправка 22». (Роман также выходил под названием «Уловка 22»)...

Итак... Абсурд или Байки американкой эскадрильи времен Второй мировой.

Поехали!

У Кудряшки совершенно точно имелся талант рассказчика. Я с удовольствием читала его посты в блоге и понимала, почему у него так много подписчиков, – он сам по себе вызывал интерес. Своими шутками, эрудицией и точными характеристиками. Умением общаться с людьми и готовностью ответить.

Мне нравилось открывать личность Антона с разных сторон, и еще не случилось ни одной, которая бы отбила желание узнать его лучше.

Я прочла отзыв и оставила под ним свой комментарий. Не первый раз. Последний месяц нормально общаться у нас получалось только так.

Нюша Тихуша: *Привет, Антон! Война и сарказм? О*

нет, я не стану читать этот роман. Мне ближе герои Ремарка. Война и любовь, горько-сладкое послевкусие. Над некоторыми вещами сложно смеяться. Спасибо за обзор!

Моя аватарка изображала полненькую девушку в очках, со стопкой книг в руках – эдакую романтическую ботаншу.

Морозов так и не добавил «Агнию Корсак» в друзья, так что пришлось идти в обход, создать второй профиль и позаимствовать образ подруги Морозко по университету – Кати Уфимцевой, правда, в размере плюс-сайз. От образа, похожего с тонкогубой выдрой Эллой Клюквиной, я отказалась сразу.

Меня так и подбрасывало вверх, словно крышку на кипящем чайнике, когда я видела фото Клюквиной и редкие приписочки в профиле Антона под постами: *«Это восхитительно!» «Антон, поражаюсь! Когда ты успеваешь столько читать?!», «Ты такой умный!»*

И смайлики... смайлики с сердечками в глазах... Тьфу! Убила бы!

Неужели он не замечает, насколько они фальшивы? Я сразу смогла понять, как только обратила на хитрую Клюкву внимание, что ей нужны от Морозко лишь его знания, и желательно по всем предметам, а не сам парень.

Нет, он не умный. Когда дело касается сердечных дел – Морозов настоящий дурак!

Антон Морозов: *Привет, Нюша! Пока люди живы, они никогда не разучатся смеяться, даже над грустными веща-*

ми. Вспомни braveго солдата Швейка.

Нюша Тихуша: *Но любить тоже не перестанут. Войны мне хватило у Толкиена и Мартина (предпочитаю читать фэнтези и романтические истории). Почему ты не пишешь обзоры на книги о любви? Твой блог ведь и девушки читают.*

Антон Морозов: *Например?*

Нюша Тихуша: *Например, на «Похождения скверной девчонки» Марио Льюса или на «Любовь во время чумы» Маркеса. Как ты думаешь, бывает в жизни такая любовь, как у Флорентино к Фермине? Которая живет полвека и прощает все? Ты сам хоть однажды испытывал сильное чувство к другому человеку?*

Антон Морозов: *Мне сложно поверить в такие чувства, но Маркес убедителен, здесь не поспоришь. Нет, не испытывал. Мне кажется, есть в любви Флорентино что-то фанатичное и нездоровое. Не хотел бы испытать подобную привязанность. Это сродни боли, а в боли человек не может быть счастлив. (Льюса не читал.)*

Нюша Тихуша: *Осуждаешь? Считаешь, что чувства можно контролировать? Запретить себе любить, твердо сказав «Нет»? (И не читай! «Скверная девчонка» мне не понравилась. Хоть и про любовь. Герой всю жизнь любит лживую женщину, а в конце она умирает на его руках. Я готова была выть от досады!)*

Антон Морозов: *Скорее, не понимаю. Разве любовь не взаимное чувство? Не запретить, но попытаться выздоро-*

веть.

Я перешла в личку. Надеюсь, он ответит.

Нюша Тихуша: *Не всегда. Мне нравится парень, но мое чувство к нему тоже безответно, а разговоры с внутренним «я» не помогают. Это просто не поддается контролю, понимаешь? (Чертובה химия!) Он меня не замечает и, кажется, немного ненавидит.*

Ответил.

Антон Морозов: *Мне было жаль Флорентино. Не повторяй его подвиг) В конце концов, есть и жизнеутверждающие романы. Может, лучше взять их в пример? Попробуй изменить если не самую ситуацию, то свое отношение к ней. Человек не может быть счастлив без взаимности.*

Нюша Тихуша: *Например?*

Антон Морозов: *Как вариант – найти у предмета своей симпатии недостатки и записать в блокнот. Если находить по одному недостатку в день, то через неделю их может оказаться так много, что твое внутреннее «я» выздоровеет.*

Нюша Тихуша: *Это невозможно! Он идеален!*

Антон Морозов: *Смешно) Так не бывает. Он наверняка спит с открытым ртом.*

Нюша Тихуша: *Это – не недостаток, а очень мило)*

Антон Морозов: *Значит, забывает положить зубную щетку на место. Я слышал, что девушек такие вещи раздражают.*

Нюша Тихуша. *Шаблонно. (Не знаю, я с ним не спала. Но это милый недостаток под № 2)*

Антон Морозов: *Эгоизм? Себялюбие?*

Нюша Тихуша: *Исключено. Просто хороший парень.*

Антон Морозов: *Кажется, ты все же согласна на продвиг Флорентино)*

Нюша Тихуша: *Хей! Я не собираюсь ждать полвека, пока он меня полюбит! Я не согласна!*

Антон Морозов: *Уже лучше)*

Нюша Тихуша: *Понимаешь, ему нравятся худышки, а я собираюсь доказать, что полные девушки тоже милые) Но, кажется, мы говорили о книгах... Так есть надежда, что в твоём блоге появится отзыв на роман о любви? Только чур не хитрить! Я говорю о любви как о первом плане романа.*

Антон Морозов: *У меня на ближайший месяц запланирован список книг и отзывов, но... хорошо, я подумаю. Что ты сейчас читаешь?*

Я отвела взгляд от телефона и посмотрела в сторону, где на прикроватной тумбе лежала книга – довольно потрепанная на вид.

Нюша Тихуша: *Честно? Мне неудобно признаться.*

Антон Морозов: *Только честно! Это же книга!*

Нюша Тихуша: *«Мумми-тролли» Туве Янсон. Обожаю ее созданий, они такие живые и настоящие. Я с ними отдыхаю.*

Антон Морозов: *Ах-ах) Классный выбор! Тебе удалось*

меня удивить. Не ожидал)

Нюша Тихуша: Ты считаешь себя достаточно взрослым для таких книг?

Антон Морозов: Напротив. Скорее, недостаточно взрослым, чтобы снова их перечитать. Но, возможно, я когда-нибудь и прочту их своим детям.

Пальцы зависли над сенсорной клавиатурой айфона. Дети? Он так запросто о них говорит?

Хм. А почему бы и нет?

Нюша Тихуша: Это будет замечательно. Я почти уверена, что твоим детям муми-тролли понравятся. (Надеюсь, это случится в ближайшее десятилетие? Ваше совместное чтение?)

Антон Морозов: Ах-ах)) Не уверен. Мне не очень везет в любви. Девушки предпочитают идеальных парней. Вот как ты)

Чего?! Я даже в постели привстала.

Захотелось айфон укусить! И Морозова тоже! Вот же балбес!

Нюша Тихуша: И последний вопрос...

Антон Морозов:?

Нюша Тихуша: Ты не думал над тем, чтобы потратить ночное время с пользой? Не болтать тут со мной, а, например, выспаться?

Антон Морозов: Я на работе. Но у меня еще есть целый час, чтобы поспать.

Нюша Тихуша: Тогда спокойной ночи?

Антон Морозов: Спокойной ночи. И спасибо за разговор.

Я отключила телефон и положила на тумбочку. Отвернувшись к окну, легла и сунула ладони под подушку.

Что не так? Что со мной не так?

Почему этот парень мне не верит?

POV Антон

Это сон. Приятный сон. Один из тех снов, когда не хочется просыпаться.

Вот что значит провести ночь выходного дня в своей постели.

Я вижу девушку под душем. Ее подбородок опущен, рука лежит на стене, а лицо закрывают длинные, влажные пряди волос. С мокрой одежды стекает вода. Обстановка мне не знакома, но это и неважно. Сейчас важна девушка и ощущения. Точнее красивое, обнаженное плечо незнакомки, которого касаются мои пальцы, и собственное дыхание. То ли затаившееся, а то ли и вовсе пропавшее...

– Опять? Только не это! Ну почему, почему я его всегда слышу!

Бум-с! Рядом с моей подушкой приземлился плюшевый медведь сестры, и я всхрапнул, когда мохнатая лапа закрыла мне нос.

– Тошка, будь человеком! Выключи свой будильник, мне же еще полчаса спать!

Последнее время я с трудом просыпался, поэтому будильник сигнализировал во всю громкость.

– А? Что? Д-да, сейчас... – Голова приподнялась и снова упала на подушку.

Пару минут. Я продлю этот сон еще на пару минут и встану.

Девушка еще не успела совсем исчезнуть, плечо оказалось гладким и нежным, и я пытался удержать ее образ, стремительно уползающий в тающую дымку сна.

– Антон, ты издеваешься?!

Кристинка спрыгнула с кровати и сбросила в сотовом сигнал. Отобрав медведя, которого я успел обнять, сдернула с моей спины одеяло и сердито проворчала:

– И почему я должна тебя будить? Кто из нас вообще-то старший?!

Вопрос прозвучал не без подтекста, и ответить следовало без тени сомнения, иначе мелкая запросто могла забраться на шею. Приоткрыв один глаз, я постарался придать голосу грозность.

– Я.

– Ха! Оно и видно, соня! – послышался смешок, и мои волосы знакомо взъерошила шустрая ладонь. – Просыпайся, Тошка! Мне к школе идти десять минут, а ты точно в свой универ опоздаешь!

Сестра забралась к себе в постель и накрылась одеялом. Везет же некоторым!

Повалявшись пару минут, я сполз с кровати и, все еще зевая, стал отжиматься от пола. Это был не самый легкий, но самый верный способ окончательно проснуться и забыть незнакомку. Да и времени на сборы оставалось всего ничего. Хотелось успеть принять душ и освободить ванную комнату для сестры – в последнее время ей все больше времени требовалось на то, чтобы собраться в школу.

Пятнадцать... Восемнадцать... Двадцать...

С участвовавшим пульсом в голове прояснилось, глаза открылись, и от зевоты не осталось следа.

Сработала вспышка.

Ч-черт! Я отжался от пола еще пару раз и поднялся. Мелкая вредина, вместо того, чтобы сладко досматривать сон, стояла на постели в пижаме и сфотографировала меня еще раз.

– Ух ты! Тошка, ты такой клёвый, когда злишься! А сделай так: р-р-р-р! И бровь подними! Слушай! А ты не думал над тем, чтобы набить себе на шею татуировку? Крылья! Нет, лучше череп! А еще лучше – имя любимой девушки, а? Только имя должно быть красивое – Присцилла там, или Тэйлор. Это же так романтично!

– Я тебе сейчас на заднице тапкой набью правила поведения! Чтобы не забыла! Крис! Ты опять за свое?! Я не шучу! Не удалишь фотографию – отберу смартфон к чертовой матери и испорчу камеру!

Я потянулся к сестре, но она, хитрюга, села к стене и спря-

тала сотовый под себя. Улыбнулась, показав язык.

– Ты этого не сделаешь!

Последние дни я устал ловить Кристину за глупым занятием – охотой за мной в объектив камеры ее сотового, и мне это порядком надоело. Может, она и собиралась стать фотографом, но я точно не собирался быть предметом ее экспозиции и подопытным объектом.

– Сделаю! Последний раз предупреждаю! И ты, вообще-то, спать собиралась!

– А я передумала! Память для потомков важнее сна! Вот найдешь девушку, тогда и перестану! А сейчас и не подумаю! И, между прочим, в нашем классе я круче всех делаю фотки, понял? Другой бы брат мною гордился!

Время шло, и я отошел к шкафу, чтобы взять одежду. Отыскав футболку, забросил ее на плечо и полез в комод за бельем и полотенцем.

– Вот и найди себе другого брата. А я тебя, Кристина, последний раз по-хорошему прошу!

Получилось сказать сердито, и сестра притихла.

– Антон? – осторожно позвала.

– Что?

– А у тебя, случайно, нет Инстаграма? Сейчас в нем все сидят.

– А что?

Интерес ко всему новому у Крис рос с каждым днем, буквально ко всему, от новых сериалов до модных социальных

сетей, поэтому удивляться не стоило.

– Ну, мне просто интересно. Спросить хотела. Так есть?

– Нет. В отличие от тебя, мне это не интересно.

Сестра вздохнула и неожиданно с облегчением.

– Это хорошо!

Я обернулся, и мелкая тут же отмахнулась.

– Вот и правильно! Мне девочки рассказали, что Инстаграм – такая муть! Картинки там всякие... фоточки, видосики. А у тебя сессия и серьезный проект! Мир, Антон? – широко растянула улыбку.

Не знаю, что она задумала – времени выяснять не было, но ссориться и обижаться мы с мелкой точно не умели.

– Мир. Но только если сделаешь мне чай и бутерброд! У меня осталось десять минут, поспеши!

– Эй! Так нечестно!

Дверь захлопнулась, но я успел сказать:

– А кто говорил, что жизнь справедлива?

Глава 5

POV Кристина

Instagram

Чат «happi_sisters»

Princess_Kris: *Привет мои бэбики! Скучали? Хватит смотреть сериалы! Поднимаем лапки и работаем! У меня для вас столько новостей – зашибись!*

payk_pay13: *Привет!*

alina_step_ *Привет! А я смотрю «Красные браслеты», испанскую версию. Мне она больше нравится.*

payk_pay13: *@alina_step_ я редела уже на первой серии. Так было всех жалко.*

Vikulia_mio: *Привет всем! @alina_step_ а мне этот сериал вообще не зашел.*

alina_step_: *@Vikulia_mio это потому, что ты любишь фантастику и ничего не смыслишь в драме! Мне вот твой «Stranger Things» тоже не понравился. Лютый бред!*

payk_pay13: *@Vikulia_mio мне кажется, он вообще для детей. Телекинез? Серьезно? Да кто сейчас такое смотрит? Уже даже вампиры и те вымерли!*

Vikulia_mio: *@alina_step_ сама ты бред!*
@payk_pay13: *Я смотрю! Третий сезон только вышел и он – супер! (руки прочь от Эдварда! Этот парень будет жить вечно! И Кэрри – тоже!)*

payk_pay13: девочки, представляете, а Наташка Лабутова, из шестого «А» смотрит индийские фильмы! Она мне по секрету рассказала – вот ржаса, да?

Vikulia_mio: Капец, ты меня убила(Это же так тупо!

alina_step_: а я не верю. Она с виду нормальная.

Princess_Kris: так! Стоп-стоп-стоп, sisters! Какая нам разница кто и что смотрит? Сначала о деле! Я все обработала и залила в профиль. Все видели? Как вам?

payk_pay13: Супер! Особенно последняя фотка! Мне нравится!

_alina_step_ Твой брат такой милашка! Похож на красавчика из «Голубой лагуны» – забыла, как его зовут, но у меня этого актера мама любит. Он еще снимался в «Десять причин моей ненависти»

Vikulia_mio: @**alina_step_** ты совсем crazy? Там снимался Хит Леджер, а в «Лагуне» – не он!

alina_step_: @**Vikulia_mio** а кто? Сама ты crazy!

Vikulia_mio: откуда я знаю? Но точно не Хит! Я всю его фильмографию знаю!

payk_pay13: @**Princess_Kris:** эти сороки меня доконают! Крис, лучше скажи, ты решила проблему с тату?

Princess_Kris: бесполезно, бэбики(брат не согласится сделать. Я ему намекнула, но он даже намек не понял. Он у меня в вопросах моды ни разу не продвинутый, а наш отец – жлоб! Точнее, брату он отчим, но все равно! Я говорю родителям: «Давайте Антону классную куртку купим, ему уже

двадцать лет, ему надо девушку найти», а отец: «Пусть сам заработает. На смартфон хватило, вот и на куртку зарабатывает! Я в его годы уже тепловоз водил!», а мама сразу о квартплате вспомнила и кредиты на машину. Мне Антона так жалко стало!

payk_pay13: Это отстой(Взрослые такие черствые за нуды(

Vikulia_mio: девочки, вы чего? Зато у него фигура супер и волосы красивые! Моя сестра говорит, что главное – это большие торса показывать и регулярно обновлять посты. А джинсы, чем потертее будут, тем лучше! Это же винтаж!

alina_step_: Вот согласна с Вик! Антон даже и без куртки unreal⁴! Мне так нравятся его глаза! Кстати, Крис, что за фильтр? И давай уже про новости!

Princess_Kris: Это все крутой фоторедактор. Ночью нашла новое приложение – в школе расскажу. И-и... тадам! Ловите еще одну фотку! Я две ночи не спала, но зато теперь умею делать коллажи! Я себе столько приложений накачала! Думаю, мы запросто обойдемся и без нута!

Vikulia_mio: Вау! Какой классный спорт-байк! И он, как будто и правда, за Антоном стоит. Блин, как жалко, что у нашего *Холода* нет тату!

payk_pay13: Девочки, а если тату сверху к фотке прилепить? Так же, как байк? Я слышала, что даже в журналах так делают с известными личностями.

⁴ Unreal (англ.) – «невероятный».

Princess_Kris: @payk_pay13: Ха! А если я спалюсь на других фотках? Я же не профи. Тогда нас сразу раскусят, бэбики! И заблокируют страницу!

Vikulia_mio: @Princess_Kris: Слушай, Крис, у моей сестры есть подруга, она учится в художественной академии на графического дизайнера. Если я ее попрошу – она Антону так татуировки прилепит, что никто и не узнает! Только ты фотки заранее сбрось!

Princess_Kris: @Vikulia_mio: Класс! Ок! Только скажи, пусть не сильно увлекается!

alina_step_: Девочки, а давайте череп на шею? Или на плечо?

payk_pay13: Давайте! Я за!

Vikulia_mio: а мне нравится роза!

Princess_Kris: What the rose?! Фу!

alina_step_: Фу!

payk_pay13: Фу-у!!!

Vikulia_mio: Ну и ладно! Сами вы «фу!» А если надпись?

Princess_Kris: Можно

alina_step_: Ага

payk_pay13: Согласна. Только в роковом стиле!

Vikulia_mio: А мне больше нравится кельтский!

Princess_Kris: бэбики, не ссорьтесь! Придумаем что-нибудь! Лучшие скажите, вы уже заметили, сколько на страничку человек подписалось?!

Vikulia_mio: Да. Круто! И всего за неделю!

payk_pay13: Молодец, Крис!

Princess_Kris: мы все молодцы, девочки! Но надо больше! Я намерена найти своему брату самую офигенную девушку! Чтобы Каринка с Ленкой лопнули от зависти!

alina_step_: Пуф!

Vikulia_mio: Пуф!

payk_pay13: Пуф!

Princess_Kris: Пуфффф! Спасибо, бэбики! Вы – супер! Но не расслабляемся и не забываем о рекламе! Спамим сообщениями дальше – в профилях девчонок, в сообществах, где только можно! Мне по-прежнему нужна ОНА! Единственная для Антона!

POV Антон

– Здоров, Морозов!

– Здоров!

Возле университета привычно сновал и толпился народ, и прежде чем войти в здание учебного корпуса, я пожал руки знакомым парням. Сегодня получилось приехать немногим раньше обычного, до первой пары оставалось время, и, взглянув на часы, я решил подняться на третий этаж и найти Жилина.

Андрей Жилин учился в группе Корсак, учился неважно, и знакомы мы были уже года два – еще до того, как черноглазая ведьма перевелась в наш университет и стала центром внимания. Нельзя сказать, что нас с Жилиным связыва-

ли дружеские отношения (скорее приятельские), но общий интерес у нас определенно имелся.

Андрей ответил на телефонный звонок и заметил меня первым. Отойдя от стены, у которой стоял вместе с друзьями, он кивнул в сторону дальнего окна, подошел к нему и сел на широкий подоконник.

– Привет, Антон, – растянул губы в улыбке, пожимая руку. – Ну, как дела?

– Привет. Как всегда.

Я снял с плеча рюкзак, присел рядом с парнем и поправил очки. Поставив рюкзак на колени, расстегнул молнию, но содержимое не достал. Сказал, тоже усмехнувшись:

– Сначала деньги.

С некоторого времени наша договоренность все больше походила на торг и не всегда честный. У Жилина были свои интересы и по слухам – сомнительные увлечения. Именно из-за них ему приходилось вертеться, втираться в доверие студентам и со всеми договариваться.

– Не доверяешь? Обижаешь, брат!

– Скорее сомневаюсь. Ты мне прошлый долг месяц возвращал. Скажем так: по-новому оцениваю риски. Так есть деньги? Или сам позже меня найдешь?

Жилин расстегнул куртку и залез во внутренний карман. Достал из бумажника деньги и передал мне. Я пересчитал. Так и думал.

– Здесь не все, Андрей. Мы договаривались, что твои –

пятнадцать процентов, а не двадцать. В прошлый раз я тебя предупреждал.

Жилин спрятал бумажник в карман и обнял меня за плечи.

– Предупреждал! Но, Тоха, будь человеком! Ты выкручиваешь мне руки! Ты же знаешь, что я решаю, я договариваюсь. Если кого-то и возьмут за яйца, то меня! Ты по-любому не при делах!

А вот в этом как раз я уверен не был.

– Жилин, не дави на жалость. Я сказал, ты согласился. Хочешь оплату по факту выполненной работы – ладно, давай. Но твои тут – пятнадцать процентов, а не двадцать. Иначе бы я не взялся. Это я не сплю по ночам, я сижу над формулами до рези в глазах и, заметь, делаю все в сроки. Я, а не ты.

– А кто виноват, что тебе по ночам больше заняться нечем, как писать за других курсовые? Это, Тоха, твоя личная жизнь!

– Согласен. Так я пошел? Найдешь деньги, приходи. Все готово, как договаривались.

– Придурок!

Я сбросил с себя руку парня и несильно пихнул его в плечо.

– От придурка слышу! Давай уже, Жила, не жмись! Знаешь ведь, что всегда выручу. Мне деньги не меньше твоего нужны.

Жилин с пониманием кивнул.

– Что, все-таки хочешь ехать? С проектом?

Я хотел, я очень хотел, но реальность рисовалась фиговая.

Улыбка пропала. От одного моего желания мало что зависело, пусть я и старался себя обмануть призрачным шансом.

– Хочу, но пока не уверен, что получится.

Андрей вздохнул и снова достал бумажник. Вынув из него две оставшиеся купюры, передал их мне, встал с подоконника и демонстративно высыпал оставшуюся мелочь на ладонь.

– Вот видишь, Морозов, с чем ты меня оставляешь. Хоть бери и по миру побирайся! А у меня ведь тоже планы!

– Ничего, волка ноги кормят, а я сделаю вид, что не знаю, сколько ты на самом деле берешь за мою работу.

Я вынул из рюкзака лабораторные и курсовую. В этот раз пришлось потрудиться, чтобы успеть сделать все в срок, но мне было не привыкать. Соскочив с подоконника, протянул бумажные файлы Андрею и очень озадачился, когда он их не взял.

– Эй, Жилин!

– А вот и один из моих планов, – пробормотал Андрей. – Жаль только, что неосуществимый.

Жилин стоял, словно человек, огретый обухом по голове, и тарашился распахнутым взглядом куда-то поверх моего плеча.

Удивившись, я тоже обернулся... и, кажется, зря.

Агния Корсак показалась в длинном коридоре с рядом аудиторий, и толпа студентов отхлынула в стороны, уступая

ей путь.

Высокая и стройная, в белоснежной блузе и темной, узкой юбке, подчеркивающей крутой изгиб ее потрясающих бедер, Корсак шла, уверенно глядя перед собой и держа подбородок так, словно опустить его ей не позволяло ощущение собственной значимости и невидимой короны на голове, которую нельзя уронить.

Полные губы сомкнулись в гордую линию, черные глаза смотрят прямо перед собой... От одного ее появления время будто застыло, а вместе с ним замер и я, потерявшись в пространстве. Сейчас я так же, как все, следил за тем, как ее идеальные, длинные волосы цвета горького шоколада от движения шага рассыпались за ее спиной тяжелой, шелковой волной, касаясь талии. И снова в голову пришла мысль, которая приходила всегда, когда я ее видел.

Когда ее кто-либо видел.

Я никогда не встречал девушки красивее. Никогда.

Что она здесь делает? Что мы все рядом с ней делаем?

В эту секунду не хотелось думать, хотелось стоять и вечно слушать стук каблуков Корсак по истертому сотней ног паркету. Смотреть, как на груди девушки натягивается дорогая ткань блузки, плавно двигаются бедра, и понимать, что расстояние сокращается, а черные глаза все ближе. Красивые глаза избалованной вниманием девчонки, в один день превратившейся из недостижимой незнакомки в мой личный кошмар. Вздумавшей вдруг из всего университета именно

меня выбрать себе в парни.

Меня, Антона Морозова, очкастого ботана, повернутого на квантовой физике и литературе, в потертых джинсах и с таким же рюкзаком за спиной.

Серьезно?! Никого и ничего не смущает?!

Ха-ха! Так смешно, что до слез обхохочешься! Впрочем, многие студенты это и делают, глядя на то, как Корсак вот уже месяц развлекается, увлекшись игрой с преследованием. Не знаю, что тому причиной – спор или скука, но для меня все слишком прозрачно и ясно, чтобы взять и поверить в «такую» правду, шитую белыми нитками.

«Будешь меня любить, Кудряшка, как миленький! Все равно у нас с тобой другого выхода нет».

Размечталась, как же!

Возможно, я и ботан, но точно никогда не был дураком и не собирался становиться посмешищем. Здесь Корсак просчиталась. Хочет она того или нет, а ей придется отказаться от затеи порезвиться за мой счет, и никогда не добиться своего.

Да я ее терпеть не могу!

Ведьма! Один черт, что красивая!

Я поймал себя на том, что тоже стою с открытым ртом, и, рассердившись, тут же его захлопнул. Повернувшись к Жилину, сунул файлы парню в руки и хлопнул ладонью по локтю, чтобы тот очнулся.

– А? Что?

– Говорю, будет с чем зайти, Андрей, – обращайся, но только до сессии. Дальше я буду занят проектом. Ну, пока!

Вскинув рюкзак на плечо, развернулся и пошел в противоположном от Корсак направлении. День только начинался, и портить себе настроение встречей с ней не хотелось.

Я поднялся на один этаж и вошел в заполненную студентами аудиторию, где находилась моя группа. За несколько минут до начала пары все вокруг шумели и обсуждали контрольную. Предмет вел Рустам Ильмирович Хасханов – наш куратор, и хотя специалистом в университете он считался хорошим, но человеком был сложным, и с этим приходилось считаться. «Вычислительная физика» мало кому давалась легко, а суровый взгляд из-под густых бровей молодого еще мужчины не добавлял студентам желания вникнуть в тему. Даже девушкам.

Впрочем, лично у меня ни с физикой, ни с преподавателем проблем не было, чего нельзя сказать о других. В этом году группе выпала по предмету курсовая работа, и Хасханов не ленился отслеживать посещаемость. Все знали, что за прогулы можно запросто схлопотать «недопуск» к сессии, поэтому на лекции к Рустаму Ильмировичу ходили все без исключения.

Вот и сейчас, войдя в помещение, я увидел группу в полном составе. Поздоровавшись с одноклассниками, переброемился парой фраз с Олегом Акимовым – нашим старостой

и прошел на предпоследний ряд, где любил сидеть. Расположившись за партой, достал телефон и открыл «Фейсбук».

За последнюю неделю я опубликовал в своем литературном блоге две рецензии на книги, а вчера вечером предложил подписчикам блога выбрать, какой же из представленных романов им понравился больше. Комментариев под постом насыпалось немало, и хотелось успеть прочесть хоть несколько.

А еще вот уже несколько недель, как у меня появился новый друг по переписке.

Девушка. Немного странная, в большей мере закрытая, но иногда удивляющая своей откровенностью. И совершенно точно забавная. Мне нравилось наше общение, но еще больше – ее чувство юмора, любопытство и легкость, с какой она себя принимала.

Я подозревал, что в жизни она была очень тихой. Наверняка из тех девчонок, которые ходят вдоль стен, предпочитая, чтобы их не замечали. По вечерам читают любовные романы, смотрят романтические комедии, лопают плюшки и, кроме себя, никому не создают проблем.

Сначала я отвечал ей из вежливости, а потом обрадовался, когда она оказалась интересным человеком. Не так много в моей жизни было интересных людей, чтобы я взял и отказался от дружбы с еще одним.

Но, открыв «Фейсбук», успел прочесть всего пару комментариев, когда услышал над головой тихое покашливание.

– Здравствуй, Антон, – и, конечно, сразу же узнал тонкий, вкрадчивый голос.

– Элла?! – я попытался встать, но помешал рюкзак. За-мешкавшись, только все испортил, уронив его с края стола на пол и рассыпав учебники.

– Ой, Антон! Давай я тебе помогу!

– Я сам!

Элла присела рядом, и мы нечаянно столкнулись лбами. Она засмеялась, а я неловко хмыкнул, засмотревшись на ее смущенную улыбку.

Не знаю, почему моей подруге Кате Элла не нравилась. Нет, Уфимцева ничего не говорила (после того первого раза, когда я уверил ее, что она ошибается), но уходила сразу же, как только Клюквина появлялась рядом. Как по мне, так Элла была очень милой девушкой – скромной и симпатичной. Да, ей нелегко давалась учеба в университете, и она не со всеми находила общий язык, но я ее понимал. Так же, как мне, ей тоже по вечерам приходилось работать.

Если честно, я бы не отказался пригласить ее на свидание.

Например, прогуляться вдвоем по набережной или сходить в кино. Возможно, у нас и получилось бы лучше узнать друг друга. А возможно, я бы даже познакомил ее с сестрой. Мне кажется, что Элла бы Кристине понравилась, хотя они такие разные.

Мы поднялись, и я вернул рюкзак на место, повесив за лямку на стул. Девушка мяла в пальцах воротник кофты и

выглядела такой трогательной.

– Ты что-то хотела, Элла? – я задал вопрос мягко, пытаюсь загладить неловкий момент со столкновением лбами.

Надеюсь, у нее не останется шишка. Промелькнула мысль, что на бледной коже след будет особенно заметен.

Клюквина кивнула и заправила за ухо прядь пепельно-русых волос.

– Да, хотела. Это насчет сегодняшней контрольной... Антон, так неудобно к тебе обращаться. Ты мне и так помогаешь – и с термодинамикой, и с историей. Теперь вот еще и по курсовой работе консультируешь. Я понимаю, что сама виновата. И зачем только выбрала этот факультет? – она с отчаянием вздохнула. – Уже не раз думала бросить учебу, но для моих родителей это будет настоящей катастрофой! Понимаешь, они у меня простые люди.

– Да, я помню, ты говорила.

Девушка улыбнулась.

– Ты не будешь возражать, если мы сядем вместе? Боюсь, что сама я с заданием по гидродинамической неустойчивости не справлюсь. Физика плазмы – это что-то жуткое для меня! Если завалю, потом Хасханову ни за что не сдам!

Я не возражал и даже привык, что на контрольных со мной всегда кто-нибудь сидел. Обычно место забивал самый ушлый, один из студентов, у кого дела с учебой шли неважно. Последние года два таким «везунчиком» чаще других оказывался рыжий Женька Самарский – длинный и худой парень,

сообразительный, но ленивый, и мы с ним неплохо ладили.

Сейчас он тоже сидел рядом и, конечно же, возмутился.

– Чего?! Слышишь, Клюквина, ты вообще долго думала?

Элла напряглась.

– А что?

– Ничего! По фейсу вижу, что секунды две. Думаешь, если я рыжий, так тебе можно нагнеть? Морозов друзей не предает, ясно?! Иди вон, к Гавриленко садись, пусть он тебе на хлеб подает, а здесь место занято!

Мне и правда было неудобно. Но не перед Женькой, а перед Эллой за его грубость.

Не знаю, кто как, а я тут точно никому не принадлежал и никому не был должен. Тем более Самарскому.

Стянув со стула рюкзак, сердито глянул на приятеля и перешел за последнюю парту – он только плечами пожал. Элла тут же схватила сумку и села рядом. Шепнула радостно, когда все затихли, потому что в аудиторию вошел преподаватель:

– Спасибо, Антон! Ты – настоящий друг! И такой замечательный!

– Пожалуйста, – ответил, понимая, что на контрольной мне придется нелегко, но присутствие девушки приятно согревало кровь и вызывало улыбку. – И не обижайся на Женьку, – попросил, – он нормальный парень. Просто... не знаю, что на него сегодня нашло.

Элла с пониманием улыбнулась и осторожно пожала под

партой мою ладонь тонкими прохладными пальцами.

– Да все в порядке, я понимаю. Рустам Ильмирович кого хочешь достанет!

По расписанию «Вычислительная физика» у группы стояла двумя парами. На первой прошла контрольная, а на второй Хасханов принялся рассуждать вслух о моделировании физических явлений и развитии технологического процесса. Точнее, о связи одного с другим и общей пользе для науки. Я давно интересовался квантовыми расчетами атомов и молекул, изучал тему самостоятельно, а потому с чистой совестью уже полчаса косился на Клюквину, раздумывая над тем, есть ли у меня шанс ее куда-нибудь пригласить.

С каждой секундой смелость росла, сердце стучало все сильнее, а девушка казалась все симпатичнее. Почему-то я был уверен, что на этот раз она мне не откажет, и согласится. Ведь осталась же она сидеть со мной и вторую пару!

Я уже собрался было ее спросить, что она делает в субботу вечером, и даже очки поправил для серьезности, как вдруг меня отвлек собственный телефон.

Сотовый одно за другим принял три входящих сообщения, сбив меня с мысли и заставив открыть мессенджер.

Нюша Тихуша: Привет, Антон! Не знаю, как у тебя, а у меня сегодня утро – полная задница!

Чувствую себя глупой толстухой.

(Из двух рецензий голосую за роман Бёрджесса. Хотя оба

романа хороши!)

Антон Морозов: Привет, Ньюша. У меня все отлично. Что так?

Вы, девушки, склонны преувеличивать. Может, все дело в настроении?

(И все же, почему Бёрджесс? Обоснуй)

Ньюша Тихуша: Все дело в том, что тебя не волнует моя внешность и это плюс.

А еще в том, что ты парень и отвечаешь мне. Это доказывает, что я не пустое место и со мной вполне можно общаться. На самом деле я вполне симпатичная – как для толстухи, конечно.

(Мне нравится его литературный мат. Хотя... какой он, к черту, литературный? Это же Бёрджесс! Х-ха! Ну, и в его романе много личного – это подкупает.)

Антон Морозов: Что касается утра – не спеши расстраиваться. Еще не вечер, и все может измениться.

Ньюша Тихуша: Вряд ли, но я предпочитаю делать выводы и строить коварные планы. А еще писать разную ерунду умным парням(

Угадай, что мне сейчас захотелось перечитать?

Антон Морозов: «Войну и мир»?

Ньюша Тихуша: Бгг. Не смешно! Не угадал. Бриджит Джонс. Мне не хватает ее оптимизма.

Как жаль, что ты не читаешь романтические истории! В них правды жизни иногда больше, чем в словах классиче-

ских героинь.

Антон Морозов: *Не читал.*

Нюша Тихуша: *Кошмар! Скоро с тобой будет совершенно нечего обсуждать! Ты станешь таким же нудным и скучным, как ржавая петля на старой двери, которая режет слух и которую всем хочется поскорее захлопнуть! Так что если собираешься мне возразить – даже не начинай!*

Похоже, у моей виртуальной знакомой и в самом деле барахлило настроение, и я поспешил спросить:

Антон Морозов: *Что-то случилось?*

Обычно Нюша не искала слова в кармане, вот и сейчас тут же ответила:

Нюша Тихуша: *Объект моей симпатии сегодня увидел меня, но даже не поздоровался. И теперь я ужасно злюсь! Впрочем, не бери в голову, мне не привыкать. Я написала тебе, только чтобы убедиться, что я существую. Мне это необходимо.*

На это оказалось несложно ответить, причем честно.

Антон Морозов: *Ты совершенно точно существуешь, глупо сомневаться. Тебе просто не повезло с объектом симпатии. Так бывает.*

Может, ты все-таки заведешь блокнот? Твой объект точно не идеален, это я тебе как парень говорю. Иначе бы он давно разглядел, какой ты интересный человек.

Нюша Тихуша: *Он идиот! Но насколько было бы проще, если бы я ему понравилась. Почему парни не ценят то, что*

само идет к ним в руки?

Антон Морозов: *Наверное, потому, что мужчины по природе охотники. Они ценят свои усилия и гордятся добычей.*

Хочешь, можем встретиться и поговорить? Если смогу, я буду рад тебе помочь.

Нюша Тихуша: *Нет. Это исключено! Не хочу и на твоём лице увидеть разочарование.*

Антон Морозов: *Мне совершенно все равно, как ты выглядишь. Я не сужу о людях по внешности. К тому же есть одна девушка, и я подумываю...*

Нюша Тихуша: *О-у! О чем? Это интересно...*

Антон Морозов: *О том, чтобы предложить ей вместе провести вечер. Она сейчас сидит рядом, и мне не мешает твой совет. Я никогда не был на свидании, как думаешь, куда мне лучше ее пригласить – в парк или в кино? Элла очень милая.*

Нюша не ответила, я подождал минуту, увидел, что она пропала из сети, и спрятал телефон в карман. Снова покопался на Ключевину.

Элла сидела, выпрямив спину, сложив руки перед собой, и смотрела на Хасханова немигающим взглядом – мужчина писал на доске формулы, развернувшись к аудитории широкими плечами. Даже рот приоткрыла, так внимательно слушала. Ее грудь высоко приподнималась и опускалась наверняка от жажды знаний.

Хотел бы я, чтобы когда-нибудь она и на меня смотрела с таким же волнением...

Та-дах!

Я замечтался, и внезапный, глухой удар двери о стену застал врасплох, заставив вздрогнуть не только меня, но и всех в аудитории.

На пороге кабинета стоял черный ангел... Тьфу ты! Точнее Черный Дементор и смотрела на меня в упор.

– Агния?! К-корсак?!

От удивления Хасханов растерялся и опустил руку с мелом. Вряд ли в университете хоть кто-нибудь из студентов позволял себе входить в его кабинет с такой помпой, так что было отчего вскинуть брови.

Красивые темные глаза блеснули холодом и спокойно взглянули на преподавателя.

– Извините, Рустам Ильмирович, не рассчитала. У вас здесь жуткий сквозняк, а я спешила.

– Что-то случилось, Агния? – забеспокоился мужчина. – У вас ко мне срочный вопрос?

По негласному кодексу учащихся прервать лекцию педсовета могло только что-то экстраординарное, ну или чрезвычайно важное, поэтому мы все тоже насторожились.

Корсак вскинула руку, словно королева свите – очень естественно. Едва ли у кого-то при всем желании получилось бы за ней повторить.

– Не волнуйтесь, Рустам Ильмирович, не у меня и не к

вам. Я просто выполняю поручение декана. Сергей Михайлович срочно просит Эллу Клюквину подойти в деканат – у секретаря возникли проблемы с ее личным делом.

– Клюквину? – переспросил Хасханов. – Прямо сейчас?

У Корсак поднялся уголок губ, и что самое удивительное, в нетерпении.

– Немедленно! – подтвердила девушка. – Конечно же, с вашего разрешения. Но я могу передать Сергею Михайловичу, что вы не отпустили, и тогда он придет сам.

– Нет, не стоит! – поспешно ответил мужчина и обернулся к аудитории. Посмотрел вдоль ряда парт, отыскивая взглядом побледневшую Эллу. – Думаю, Клюквина, – строго обратился к моей соседке, – вам и правда лучше подойти в деканат прямо сейчас, раз уж в этом возникла срочная необходимость!

Элла схватила сумку и тут же выбежала из помещения. Лишь на секунду замешкалась у выхода, протискиваясь между Корсак (и не подумавшей сдвинуться с места) и дверной коробкой. Пискнула преподавателю: «Извините» и исчезла.

И только тогда Агния отошла от порога и закрыла за Клюквиной дверь. Развернувшись, прошла, стуча каблуками, между рядами парт и опустилась на стул рядом со мной – словно ей тут и было самое место, а не в своей группе. Вокруг тонко разлился дорогой аромат весеннего пиона. И, если бы это была другая девушка – аромат бы мне точно понравился, а так лишь заставил напрячься.

Парни ожидаемо заозирались, как случалось всегда при появлении Корсак, а вот Хасханов и слова не сказал, что было совершенно на него не похоже. Лишь проводил девушку взглядом.

– Вы не возражаете, Рустам Ильмирович, если я останусь? – скорее не спросила, а поставила в известность та. – До конца занятия еще полчаса, а я и так задержалась в деканате. Как жаль, что у моей группы так мало часов с вами. Мой парень в полном восторге от ваших лекций. Правда, Морозов?

Что?! Снова она за свое?

Вот хитрая чертовка! Если я скажу «Неправда», то Хасханов примет прямой ответ на свой счет, а вовсе не на счет того, что Агния не моя девушка.

Я сжал губы и ничего не ответил. Нахмурился, напоровшись на совершенно глупую улыбку Женьки Самарского, при появлении темноволосой красоти, похоже, забывшего, где он находится.

– Повезло тебе, Морозов! – завистливо протянул парень, обернувшись. – То одна девчонка добивается внимания, то другая. Агния! – шепнул девушке, – Клюква сама к нему под села, я свидетель! На жалость давила, у нее это в правилах! Я из-за ее кислой мины контрольную запарол!

– Да иди ты! – пришлось пихнуть Женьку в плечо, чтобы тот отвернулся. – Не лезь!

Но едва преподаватель вернулся к написанию формул, я

сам не сдержался и повернулся к Корсак.

– Ты ведь это сама придумала – новость с деканатом, да? – спросил сердито. – И Клюквину к Крокотухе никто не вызывал?

Брюнетка не ответила, и я продолжил:

– Как будешь выкручиваться, когда Элла вернется? Не боишься с такими розыгрышами вылететь из универа?

Сказал, а сам засмотрелся на идеальный профиль – девушка рядом была напряжена и серьезна. Подбородок, скулы, даже мочки ушей – все состояло из совершенных линий, и на секунду вдруг показалось, что Язва исчезла.

Жаль, что только показалось.

– Я ничего не боюсь, – ответила Корсак. – Твоя Клюква скорее в штаны напустит, чем пойдет к декану – так что здесь кишка тонка. А ты, Ромашка, лучше помолчи! Я сейчас не в том настроении, чтобы отчитываться. Я вас обоих предупреждала.

Корсак Клюквину терпеть не могла – это я успел заметить. На даже если и так, то все равно заявление прозвучало нелепо и глупо. Не верит же она и сама всерьез в то, о чем говорит?

Группа старательно записывала за преподавателем формулы, мы сидели на последней парте одни, и я возмутился.

– Предупреждала? – прошипел тихо, наклонившись к брюнетке и поправив очки. – Но мы тебе ничего не должны. И ты не моя девушка, прекрати это повторять! Долдонишь

уже месяц, нашла дурака!

Корсак неожиданно усмехнулась, все еще не поворачивая головы.

– Вот про дурака, Морозко, это ты в точку сказал. Как есть твердолобый! Плевать мне на Клюкву, но с тобой уже надоело играть. Я не привыкла, что меня не замечают. И об этом я тебе тоже говорила.

– Тогда просто отстань. Или признайся уже, что это все спор! – настоял упрямо. – Думаешь, я не понимаю?

– Это все правда, Ромашка. Меня на спор не поймать, мог бы и догадаться.

– Я тебе не Ромашка! И мне нравится Элла, поняла?

Признание вырвалось неожиданно, и я застыл. В руке у Корсак хрустнул карандаш. Мой карандаш, между прочим, и когда только она успела его взять?

Девушка вдруг повернулась, и черные глаза блеснули холодным огнем. Потянулась ближе...

Я мог всего ожидать от нее – хлестких слов в лицо или даже смеха, но не того, что она вдруг меня поцелует. Не просто коснется губами, а сделает это с чувством. Женька ахнул, а я и понять ничего не успел. Только ощутил, как шелковая прядь волос скользнула по щеке, вслед за рукой, и услышал горячее у лица:

– Ты мой, Морозко! И лучше меня не зли!

После чего Корсак поднялась и ушла, заставив всех смотреть ей вслед. И снова Хасханов ничего не сказал.

Очнувшись, я с силой вытер рот кулаком. Прошептал очумело:

– Точно ненормальная. С ума сошла.

– Что, не понравилось? – с блаженным трепетом выдохнул Самарский. Глаза у парня были распахнуты.

– Нет, – отрезал сердито. – А что, должно? Эта Язва мне чуть очки не сломала...

Я думал, что Женька поймет. Ведь он сам все видел! Что он поддержит. Но тот лишь изумленно хмыкнул, глядя на меня как на идиота.

– Очки? Чувак, да это ты сошел с ума! Без обид!

Глава 6

Не знаю, существовали ли границы у дурацкого розыгрыша, в который меня втянула Корсак, но я их не видел. И я точно не чувствовал себя сумасшедшим, иначе бы с первого дня стоял на задних лапах, позволяя негласной королеве университета забавляться мной, как своим щенком.

Хотя сомневаюсь, что она вообще любит собак. Такие только о себе и думают!

Нет, сейчас, когда шок прошел, я чувствовал злость, а еще твердую убежденность, что это глупое преследование необходимо прекратить. И если этого не хочет Корсак, то придется сделать самому – или мы оба окажемся в тупике абсурда, в котором схлестнемся всерьез.

Надеюсь, никому из группы не придет в голову трещать о том, что было на лекции у Хасханова. И надеюсь, никто не заметил, что я сидел, как дурак, когда Агния меня целовала. Ведь запросто же подумают, что я не был против!

Черт, даже оттолкнуть не догадался или отвернуться. Но разве я мог ожидать?!

И что на нее только нашло! Сумасшедшая девчонка! Хорошо, что нас не видела Элла!

– Трущобин! Эй, Родион, подожди!

Я настиг невысокого, но крепкого парня с темным ежиком волос неподалеку от кафетерия и остановил. Поправил очки,

подходя ближе.

Пришло время обеда, в коридорах привычно пахло сдобой и кофе, а нас обходили студенты, спеша перекусить в маленьком кафе прямо в здании учебного корпуса. Мы не были с Трущобиным близко знакомы, но знали друг друга через Андрея Жилина. И так же, как Жилин, Трущобин учился в одной группе с Корсак и как-то обращался ко мне за помощью. За парнем давно закрепились репутация скандалиста и проныры, он многих допекал, но меня сейчас интересовало другое – он совершенно точно был в курсе университетских новостей.

– О, Морозов? Привет! Тебе чего?

Я тоже не стал тянуть кота за хвост и сказал, как есть:

– Надо поговорить.

– О чем? – Трущобин удивился, но аппетит победил, и парень обернулся в сторону кафешки. – Слушай, а это не подождет? – спросил с надеждой. – Я сегодня с утра проспал – голоден как черт! Ой, Тамарка! – окликнул мимо проходящую блондинку с короткой асимметричной стрижкой и в узких джинсах. – Займи мне очередь, я сейчас!

– Сначала займи очередь, потом займи денег. Обойдешься, Родик! – бросила девчонка, даже не обернувшись, и Трущобин чертыхнулся.

– Нет, не подождет, – напомнил я о себе. – Но у меня всего пара вопросов. Я о Корсак спросить хотел.

Парень собрался было что-то крикнуть вслед блондинке,

но, услышав фамилию, передумал. Повернулся ко мне и заинтересованно усмехнулся, тут же забыв о еде.

– А что с Агнешкой не так? Цветет и пахнет, всем на зависть – прекрасная и несвободная. – Он засмеялся и хлопнул меня по плечу. – Она же вроде *твоя* девушка, Морозов, так при чем тут я?

Может, он и был ни при чем, но стоило в этом убедиться.

Я тоже улыбнулся – получилось натянуто. Насмешка не прозвучала неожиданно, но все равно задела.

– Вижу, Трущобин, ты не очень-то веришь в наши отношения? – спросил с ухмылкой.

Хорошо хоть парень не стал юлить. Пожал плечами, сунув руки в карманы брюк.

– Ну, если честно, то с трудом.

– Почему?

– Сам понимаешь. Такую роскошную девчонку, как Агния, не каждый может себе позволить. Подарки, внимание, то, се... Я уже молчу о ее семье и запросах. У нее одна тачка стоит больше, чем моя квартира. А ты у нас кто? Вроде как пролетарий? Да еще и тип, повернутый на физике.

– Да, все так. И что?

– А то! Не стыкуются параллельные прямые и не рисуется картина маслом, как ни крути.

Ну, с этим я был согласен и точно не собирался спорить. Вместо этого в ответ хлопнул парня по плечу.

– Значит, ты все-таки в курсе? Отлично! Я так и знал!

Усмешка медленно сползла с лица Родиона, и он напрягся. Достав руку из кармана брюк, почесал нос.

– Не понял. В курсе чего, Морозов? – куснул губы, нахмурившись. – Ты о чем?

Или он хорошо играл, или на самом деле ничего не знал. Я предпочел выбрать первый вариант.

– Раз уж мы с Агнией такие разные, может быть, ты знаешь, в чем причина ее внезапного ко мне интереса? Видишь ли, не одному тебе кажется, что логика дала сбой. Я еще не сошел с ума и предпочитаю с Корсак жить в параллельных мирах. Так кто автор розыгрыша, Трущобин? Ты у нас всегда был в курсе новостей, просвети. Или это был спор? Надоело ломать голову.

Парень подумал и пожал плечами, но мое предположение его явно заинтересовало.

– Если и так, то мне об этом ничего не известно.

– А что ты знаешь о самой Корсак? – не стал я сдаваться. – Что тебе известно о ней?

– Об Агнии? Ну, может, кое-что и известно, – протянул и вновь усмехнулся, смекнув, к чему я клоню. – Но могу раззнать больше. Правда, ты будешь мне должен, братан.

Я достал из рюкзака деньги и показал в пальцах.

– Хватит? Больше не дам.

Деньги тут же исчезли в кармане брюк Родиона.

– Сгодится. Поспрашиваю, кто и что слышал. У Агнии сейчас точно никого нет – я бы знал. Но это еще не значит, –

парень поднял палец к лицу, – что не было! За последние полгода она встречалась с двумя – с каждым от силы неделю, и обоих сама бросила. В пятницу лично видел, как к ней в «Паутине» один мажор подкатывал. Красиво подкатил – не помогло. Послала прямым текстом. – Трущобин засмеялся. – Ты должен гордиться, Морозов! У твоей девчонки острый язык, а у тебя нет конкурентов! Черт! Ну ты и везучий, ботан!

При всем желании я не мог разделить с ним веселье. Вспомнились черные глаза и уверенное «Ты мой!», вопреки заявлению Корсак не сделавшее меня счастливым.

– Это не смешно.

– Да ладно?! А по мне, так очень! Хочешь совет? – Родион наклонился и обнял меня за шею. Сказал доверительно: – Какая разница, чего добивается стерва Агнешка? Это все равно скоро закончится. А когда закончится, тебе станет обидно, что ты ее даже за задницу не подержал. Черт, Морозов! Да я бы на твоём месте ее...

Это было уже слишком, и я оборвал парня на полуслове, вдруг почувствовав, как пальцы рук сжались в кулаки. Пусть он и вызвался мне помочь, но слушать его голодные фантазии я не собирался.

– Хватит! Ты не на моем месте, Трущобин. Замолчи! И лучше скажи, когда у вас заканчиваются пары...

– А что так?

– Хочу дождаться «свою» девушку и поговорить.

Не было смысла ждать Корсак у корпуса. После окончания занятий студенты еще какое-то время не расходились, и поговорить наедине в шумных коридорах родной альма-матер вряд ли бы получилось.

Я ждал ее на стоянке автомобилей, присев на невысокое металлическое ограждение и сунув руки в карманы джинсов, рассчитывая, что девушка появится одна. И не ошибся.

Она мне не нравилась. Ни капли! Избалованная, циничная снобка с жалом вместо языка! Но от ее появления сердце застучало, а от близости тело обдало жаром.

Она приближалась медленно, не спуская с меня темных глаз, позволяя ветру играть длинными волосами, а полам плаща открывать красивые ноги. И то ли во взгляде было все дело, то ли Корсак на всех парней так действовала... Я старался не смотреть ей в лицо, но все равно, когда она подошла, почувствовал, что покраснел.

– Антон? – от удивления ее голос прозвучал мягче, и на секунду я растерялся от этой перемены.

– Агния?

Она остановилась в двух шагах и подняла высокую бровь. Усмехнулась высокомерно, слегка склонив голову к плечу, наблюдая за мной. Над нами шумел высокий тополь, и порыв майского ветра бросил волосы мне на щеку.

– Надо же, Кудряшка... Стоило один раз тебя поцеловать, и ты вспомнил, как меня зовут, – заметила она. – Это приятно.

Я насторожился, не зная, чего от Корсак ожидать. Заправив светлую прядь за ухо, поднялся с ограждения навстречу девушке и поправил куртку. Память о ее поступке была еще свежа в памяти, как запечатлелось тепло чужих губ на моих, и ощущение неловкости от всей этой дурацкой ситуации никуда не делось. Это злило.

Представляю, каким я, должно быть, казался ей смешным все это время. Забавным парнем-ботаном, с которым можно особо не церемониться. При всех заявлять права и не смущаться посторонних глаз. Негласной королеве можно все – до сих пор ее замашки собственницы никого не удивили.

Черт, как же некстати выступили предательские пятна румянца на щеках! Хотелось выглядеть холодным и серьезным, тем более что меня-то уж точно ее поведение не забавляло!

Агния повесила сумку на плечо, продолжая смотреть заинтересованно.

– Глазам не верю. Неужели ты ждешь меня, Морозов, и я не сплю?

Я бы тоже хотел не верить. Не стоять здесь в надежде на разговор двух взрослых людей, а думать о других вещах, от которых зависело мое будущее. Гораздо более важных, чем каприз одной избалованной девчонки.

– Да, я жду тебя, Корсак, – признался, слегка кивнув, –

и вижу, что ты тоже помнишь мое имя, а не только глупые прозвища.

Мы стояли довольно близко и смотрели друг на друга. На каблуках она оказалась почти одного роста со мной – ну, разве что немного ниже. Расстегнутый плащ не скрывал свободный ворот блузы, гладкие ключицы и красивую шею, на которой не виднелось никаких украшений.

Легче было уйти, чем смотреть на нее. Трущобин прав. С Эллой я чувствовал себя гораздо увереннее и спокойнее.

– Если бы ты не вел себя, как пугливый заяц, Антон, я бы помнила и о гораздо большем, – неожиданно сказала Корсак. – Мне нравится твое имя, но как еще убедиться, что я не манекен и ты меня замечаешь? – спросила серьезно. – Приходится импровизировать. И не скажу, что мне это неприятно.

Ответ напрашивался сам собой, и я сказал:

– Так, может, стоит переключить внимание на кого-то другого? Не на пугливого зайца? Уверен, что ты сумеешь себя развлечь и без моей помощи – университет большой, и парней в нем предостаточно.

Девушка улыбнулась.

– А может, мне лучше тебя целовать чаще, а, Морозко? Чтобы ты понял, что мне нет дела до других парней? Смотри, как ты с первого раза и имя мое вспомнил, и увидеть захотел. Я умею быть убедительной.

Корсак шагнула ближе, а я напрягся, словно она действи-

тельно могла выкинуть что-то подобное тому, что произошло на лекции у Хасханова. Да скорее всего могла! Вот только на этот раз я был готов ее остановить.

– Прекрати, Агния.

– Значит, тебе не понравилось? – Черные глаза блеснули ожиданием и прищурились – она все же не подошла, хотя смотрела колко. – Совсем?

Дурацкий разговор и ситуация не лучше! Еще и не поговорили толком, а уже зашли в тупик. Скорее всего, случись нечаянный поцелуй с другой девушкой и при других обстоятельствах, я бы постарался смягчить ситуацию, но Корсак не принимала полутонув. И, похоже, заслужила правду.

– Нет, не понравилось, – ответил твердо. – Совсем! Нет ничего приятного, когда тебя используют подобным образом. Ты не моя девушка, а у меня нет привычки целоваться с незнакомыми людьми, да еще и без желания! Не знаю, что в твоём кругу воспринимается за чувство, но это и близко не оно – то, о чем ты говоришь.

Я снял очки и не спеша отвел ладонью волосы надо лбом. Вновь взглянул на девушку.

Ведь именно за этим я сюда и пришел – остановить изрядно затянувшуюся и точно никому не нужную охоту за ботаником. Сейчас я очень надеялся, что Корсак меня услышит. Злость бурлила внутри, но я старался ее сдерживать.

– Послушай, Агния, я хочу просто поговорить, – сказал спокойнее, – поэтому и ждал тебя. Пожалуйста, хотя бы сей-

час стань собой. Здесь никого нет, и тебе совсем не обязательно продолжать изображать «большую симпатию» и делать вид, что ты...

– Что я что?

У меня не было никакого желания произносить вслух глупую чушь, но пришлось сказать:

– В меня влюблена. Я в это никогда не поверю.

– Почему?

– Да потому! – Спокойствие как ветром сдуло. – С чего бы вдруг? Мы с тобой едва знакомы, а по сути – разные люди! Мне не интересен твой мир, не нравится, как ты себя ведешь – как будто я тебе принадлежу! Мне не нравишься ты, понимаешь?! – посмотрел с досадой. – Перестань меня преследовать и живи своей жизнью. Люби тех, кто достоин тебя!.. Не знаю, кому пришла в голову идея так постебаться над Морозовым, но шутка затянулась, и изрядно мне надоела!

Теперь щеки пылали не только у меня. Смуглая кожа Корсак красиво заалела на скулах. Но хоть усмешка пропала, и то хлеб. На таком расстоянии я достаточно хорошо видел и без очков, чтобы это заметить.

– А ты думаешь, *мне* это нравится, Кудряшка? – Руки Агнии опустились, и лишь тонкая прядка волос билась от ветра у щеки. – Слушать то, что ты мне говоришь сейчас, нравится? – спросила с ожиданием. – Ждать, когда ты согласишься на меня иначе? Думаешь, я *этого* хочу, когда ищу тебя в стенах университета?! – Агния выдержала паузу. – Хо-

чешь правду, Морозов? Я скажу. Это бесполезно – жить своей жизнью. Я пробовала. Даже других целовать пробовала – не помогло. Противно. Раньше было терпимо, а теперь так противно, что десны отмыть хочется. А все потому, что в мыслях ты!

Я уставился на нее в смеси отчаяния и изумления оттого, что недооценил масштаба проблемы.

– Ты ведь не прекратишь, верно? – тихо спросил, разжав кулаки, в которых сдерживал злость. – Тебе это нравится – выставять меня перед всем курсом дураком, поэтому? Ты даже сейчас не можешь остановиться.

– Не прекращу. – Агния упрямо смотрела в глаза. Плевать ей было на то, злился я или нет. – Но не поэтому, Морозов, хотя ты и есть дурак. А потому, что ты мне больше, чем просто нравишься, и я не собираюсь страдать от твоей тупости вечно. Ты меня и так измучил, я месяц ждала!

Невероятно, но это точно походило на театр абсурда, если не тупик.

– Месяц? Ради бога, Корсак! – я рассердился. – Что значит «больше, чем просто нравлюсь»? Я прошу по-хорошему – забудь меня! У меня нет ни времени, ни желания развлекать тебя и твоих друзей! У меня есть работа и цель. Я сплю по четыре часа в сутки, чтобы хоть чего-то добиться в этой жизни, и сейчас опаздываю в почтовый сервис, где работаю грузчиком! У меня и так ни черта не получается, так еще и ты!

Я снова нацепил очки на нос и забросил на плечо рюкзак, который держал в руке. Больше мне здесь делать было нечего.

В надежде, что девушка отойдет, я уверенно шагнул вперед, но она осталась стоять на месте. Усмехнулась тонко красивыми губами, словно я своим признанием ее лишь потешил.

– Отлично, Морозов. Терпеть не могу лентяев! Я на машине – тебя подвезти? – предложила, как само собой разумеющееся.

– Что?!

– Доставлю, говорю, с комфортом в твой сервис, раз уж ты из-за меня опоздал.

Она подошла к машине – новой спортивной «Ауди», отключила сигнализацию и распахнула для меня дверь. Если это и была насмешка, то такая же жестокая, как ее широкая улыбка.

– Садись!

Желваки сами натянулись на скулах, а подбородок поджался. Да за кого она меня принимает!

– Спасибо, обойдусь. Мне не нужна ни твоя помощь, ни ты! Больше я с тобой говорить не стану!

Я легко обошел девушку, но уйти мне не дала не изменившаяся в лице Агния, а незнакомый парень, вдруг остановившийся у края стоянки. Точнее, его идиотский смех и заме-

чание, прозвучавшее в мою сторону.

– Оп-пачки! Милые бранятся – только тешатся? – Незнакомец хохотнул, перепрыгнул через ограждение и растянул рот в улыбке. Весь его вид говорил о том, что он весьма воодушевлен встречей со стройной брюнеткой. – Агнешка, солнце, удивляюсь тебе. И что ты нашла в этом желторотом ботане? Он же и мизинца твоего не стоит. Если вдруг захочешь его подвинуть – только скажи, я помогу. Эй, ты! – крикнул мне. – Повежливее с девушкой, а то будешь иметь дело со мной, понял?

Я никогда не был сторонником драк, но сейчас настроение так и способствовало тому, чтобы на ком-нибудь сорваться. Особенно на придурке, которого я веселил.

– Что ты сказал?! – Сжав зубы, я шагнул было вперед, но Корсак толкнула меня рукой в грудь, останавливая – конечно, как лакея, по-другому она не умела.

– Стоять, Морозов!

Обернувшись к незнакомцу, бросила ему небрежно, как кость под ноги:

– Ты кто такой? Что тебе нужно?

Вряд ли эту девчонку хоть кто-нибудь мог заставить вести себя иначе, и улыбка у парня померкла.

Споткнувшись, он растерянно хмыкнул:

– Как кто? Я Станислав, знакомый Милены. Мы с тобой в «Паутине» познакомились, помнишь? Я угощал вас с подругой коктейлем и травил анекдоты. – Агния молчала, и па-

рень добавил неуверенно от растерянности: – Тебе еще понравился один – про уфолога и нарколога. Ну?

– Не помню.

– Но как же...

Корсак резко обернулась, длинные пряди волос скользнули по спине, и забросила в машину сумку. Похоже, настроение испортилось не только у меня. Хлопнув дверью, она снова повернулась к парню.

– Послушай, Стасик, или как там тебя... Ты куда-то шел? – спросила холодно. – Вот и иди! А я сама решу, кто здесь чего стоит и с кем мне иметь дело, ок? Терпеть не могу советчиков! Больше последних – только тупые анекдоты. И в будущем выбирай выражения, когда говоришь о моем парне, а то ведь за желторотого ботана можно и ответить. Не люблю, когда мне мешают!

От такого ответа и я застыл вместе с незнакомцем, ошарашенно глядя на девушку. Сейчас в ее черных глазах полыхал огонь, и парень решил отступить.

– Да я ведь просто так подошел, Агния, – сказал он примирительно, пожимая плечами и возвращая на лицо улыбку. На этот раз он не выглядел довольным – скорее, сбитым с толку. – Смотрю, вы вроде ссоритесь, хотел помочь...

– До свидания, Станислав! – отрезала Корсак. – Считай, что познакомились. Милене привет!

– Ладно, как скажешь. Пока...

Машина незнакомца стояла здесь же, на стоянке – не но-

вый, но еще вполне приличный «Опель». Покосившись на нас, парень сел в него и уехал.

В автомобиле Корсак тут же щелкнули замки блокировки и двери открылись.

– Ну так что, Кудряшка? – Агния повернулась ко мне. Ее скулы все еще алели, но губы упрямо сжались. – Едем в твой сервис? Опоздаешь ведь.

Как всегда, она смотрела прямо и уверенно, словно только что ничего не произошло, но я не собирался молчать. Не хватало еще, чтобы эта девчонка сделала из меня тряпку и я окончательно потерял самоуважение!

Подойдя к ней, я поймал ее за запястье. Вскинув наши руки, придвинул Корсак к себе и заглянул в глаза. Длинные темные ресницы, дрогнув, приподнялись.

– Больше никогда, слышишь? Никогда не смей выставять меня идиотом! Я не выполняю собачьи команды «Стоять!» Я сам способен за себя постоять! Или я...

– Или ты? – Агния надвинулась. – Что?

В этом нашем противостоянии она не собиралась мне уступать. Я смог рассмотреть крошечную родинку над ее губой и услышать теплое дыхание, прежде чем со злостью пообещал:

– Или я повторю еще раз, если ты не расслышала, что думаю о твоей помощи!

Девушка застыла, но взгляд не опустила.

– Не угрожай мне, Морозко, – проговорила с тихим возо-

вом, – все равно проиграешь. Ты уже пообещал, что не станешь со мной говорить, но, как видишь, мы разговариваем. Не стоит повторять дважды, что я не нужна тебе.

А вот это она зря. Я бы и трижды повторил, если бы не был уверен в том, что она все равно не услышит.

– Ты невозможный человек, Корсак! – выдохнул раздраженно. – Твоя самоуверенность граничит со вседозволенностью! Неужели ты вообще не видишь границ?

Она ответила легко, без тени сомнения:

– Вижу. Но у меня нет выхода.

В эту чушь я не собирался верить. Так же, как тратить силы на глупый спор. Но на секунду позволил себе удивиться:

– Не понимаю, что такие, как этот Стас, да и все остальные находят в тебе? В бездушной картинке! – И пообещал, глядя в черные глаза девушки: – Я не проиграю, Дементор, не надейся!

Сейчас я не замечал ее красоты, только упрямое желание добиться своего.

– Ты в этом так уверен?

– Уверен, – ответил твердо. – А знаешь почему? – Я отпустил ее руку и отступил. Сказал прежде чем развернуться и уйти: – Потому что вижу тебя насквозь!

Уже у выхода на аллею белоснежная «Ауди» подрезала мне путь, стекло водителя сползло вниз, и Корсак пообещала, на этот раз не глядя на меня:

– Хорошо, Морозов, я тебя слышала. Можешь не гово-

рить со мной. Можешь в упор не замечать, если я тебе так неприятна. Но даже и не мечтай, что я отступлюсь!

Глава 7

POV Агния

– Терри, отстань! Ну, Терри!

Послышался игривый рык, одеяло сползло вниз, и длинные зубы, кляцнув, аккуратно куснули меня за пятку.

Просыпаться не хотелось. Из-за задернутых плотных штор в спальне было темно и уютно, и тонко пахло нарциссами. Я поджала ногу, перевернулась на другой бок и натянула одеяло на голову, запутавшись в собственных волосах.

Не помогло. Доберману исполнилось восемь лет, и мы знали друг друга, как облупленных: ни ему ни мне упрямства было не занимать.

Темная голова залезла под пуховую складку одеяла, пес снова нашел мою пятку, поймал ее и стал упорно «грызть». Да так громко, словно сочную кость, что прибежала крошка Гретта и радостно затыкала. Она тоже была бы рада присоединиться к другу в экзекуции, но росточком не вышла, поэтому усердно его подбадривала.

Я отбрыкнулась, уже понимая, кто в этой схватке победит.

– Брысь! – Возмутилась: – Совсем обнаглели! Эй! – потянулась за одеялом, когда доберман стащил его за край с плеч. – Ну дайте же поспать! Не хочу я вставать, ясно! Не хочу!

Но едва сунула ладонь под щеку, как Терри звонко и про-

тестующе гавкнул, твякнула Гретта, и в гостиной послышались тяжелые шаги старины Чарльза.

Чарли в нашей семье считался непререкаемым авторитетом, и раз уж он лично направлялся в мою спальню, значит, со мной и правда было что-то не так. Пришлось сесть в кровати, свесить ноги и зевнуть.

– Эх ты! Ябеда! А еще друг! Трое на одного, разве это честно?

Упрек прозвучал сердито, да только кто тут меня боялся! Терри забрался передними лапами на постель и расцепил пасть. Я потянулась к нему, схватила за ухо и поцеловала в черную, довольную морду.

– Чего лыбишься? Радуетесь, что по-твоему вышло, да? Ну, ничего, я вам всем припомню! Каждому! – пригрозила хмуро. – Совесть у вас есть, а, Чарли? – спросила у дога, глядя в умные глаза, когда пес остановился напротив и важно сел. – Плохо мне, понимаете? Очень! А вы – вставай, вставай... Не хочу я ничего, совсем!

– Ой, Агнешка? А ты разве дома, не в университете? Что, и сегодня тоже?

Я вошла в кухню в чем спала – в пижамных шортах и топе. Подойдя к столу, налила из графина в бокал воды и выпила. Кивнула домработнице, которая суежилась у плиты с обедом. В этот самый момент она нарезала на доске базилик для соуса «Песто», и нож мерно отстукивал под ее руками

«тук-тук-тук». Совсем как мое сердце, когда меня держал за руку Морозов.

Странное сравнение, но вот уже третий день подряд наш разговор с Кудряшкой не шел из головы и не давал мне покоя. Сначала впервые им сказанное «Агния» засело в память – сколько раз парни произносили мое имя вот так же, как Антон, – с надеждой. А затем вспомнила рассерженный взгляд светло-карих глаз и совершенно искреннее, пусть и брошенное сгоряча: «Ты не нужна мне, Корсак!»

Оказалось, что быть ненужной – лишним человеком – это очень больно. Гораздо больнее, чем ободрать колени и пальцы в кровь о горячие камни скал Тироля. Возможно, окажись я в тот момент на стене скалодрома, я бы отпустила руки. Едва ли пол, устеленный матами, смог бы так же выбить из меня дух, как это удалось Морозову.

А он даже и не заметил, что натворил. Предпочел оскорбиться. Дурак, ну ввязался бы он в драку с тем качком, и что дальше? Стас бы его в пару ударов уделал – я успела разок увидеть, как он в «Паутине» качает права, вот и к нам подкатил не просто поздороваться. А потом что? Кому от этого станет лучше? Да если бы Кудряшка оказался на земле, он бы меня и вовсе возненавидел!

Хотя кого я обманиваю? Он меня и так терпеть не может. Ох, лично мне от этой любви только хуже! Поймала бы шутника Купидона за шею – свернула бы упитанную к чертям! Это же надо, влюбить меня в такой упрямый объект!

В тот день диалог Морозова с Ньюшей Тихушей на вычислительной физике так и остался незаконченным, и Антон дважды за вечер написал:

«Нюша, у тебя все хорошо?»

«Черкни пару слов. Ты в порядке?»

Нет, не в порядке. Как я могу быть в порядке, если Кудряшка переживает по поводу незнакомой девчонки, а на меня чихать хотел. Ну почему, почему я не прыщавая толстушка с кучей надуманных комплексов? Насколько бы все оказалось проще! У нас хотя бы появился шанс стать друзьями.

О чем он спрашивал? О том, куда пригласить девушку?

Нюша Тихуша: *«Да, все отлично! Учеба отвлекла. А девушку лучше пригласи в парк – если, конечно, не собираешься с ней целоваться на первом же свидании. Тогда только в кино, и желательно на последний ряд!»*

Мысленно я вырвала Эллочке Клюквиной на макушке клоч волос. Пусть только попробует согласиться! Я ей такой поход в кино устрою – на всю жизнь запомнит, как использовать моего Морозко! Я ее не в деканат, я ее первопроходцем на Марс отправлю!

Антон Морозов: *«Я уже и забыл, но спасибо. Ты удивишься, как полярно может меняться настроение и мысли. Кажется, есть человек, с которым бы я хотел оказаться в разных галактиках. Она просто невыносимая. Не знаю, способна ли эта девушка вообще кого-то любить кроме себя, но у нее ужасный характер, и сегодня мы схлестнулись. И*

это не Элла.

Извини, что без подробностей. Сейчас совершенно не хочется думать ни о каком свидании»

Нюша Тихуша: *«Вторая девушка? Да ты ловелас! И наверняка к ней предвзят. Вдруг ты ей нравишься? По себе знаю, парни часто не видят очевидного».*

Антон Морозов: *«Совсем нет. Так вышло».*

Нюша Тихуша: *«На любовь способен каждый человек, просто ему надо дать шанс это узнать. Ты так не считаешь?»*

Антон Морозов: *«К Дементору это явно не относится. Да, я знаю, что ты фанат Роулинг, но поверь – это самое точное сравнение, когда дело касается этой девушки. Не хочу больше о ней говорить. Завтра в блоге будет новый отзыв на роман – приходи!»*

Я хотела еще написать Морозову – и о чувствах, и о характере, и о том, что «Глубже в корень надо зреть, Тоша!», но не смогла. Попрощалась коротко, непослушными руками отправляя ответ.

В тот вечер мне хотелось, чтобы он говорил со мной, а не с виртуальной Нюшей. Это все напоминало пытку.

Следующие два дня я почти не запомнила. Я бегала по три часа на дорожке, пропадала в «Скале» и без спроса брала отцовский мотоцикл – один из двух, чтобы погонять по загородной трассе. И нет, в университет не ходила – не могла.

Если бы могла напиться – наверное, лучше бы напилась...

– Добрый день, Ольга Павловна, – я поздоровалась с домработницей, возвращая бокал на широкий обеденный стол. – Да, я сегодня дома.

– Что-то случилось? Неужели заболела? – всполошилась женщина, и я поспешила ее успокоить, убирая спутанные волосы от лица. – Нет, все хорошо.

Учебу в университете я пропускала редко – многолетние часы с репетиторами и занятия танцами с детства приучили меня быть пунктуальной и все планировать заранее, поэтому я нормально восприняла ее беспокойство. А вот на мать, которая тоже оказалась на кухне, взглянула с тревогой. Она в два счета могла раздуть из мухи слона.

Мы не виделись почти неделю – утром мама не вставала раньше обеда, а по вечерам пропадала в театре. Но вот сегодня наши дороги сошлись.

Так же, как для меня, утро для нее только наступило. Виола Корсак сидела на барном стуле в домашнем шелковом пеньюаре, без грамма косметики на лице, и держала тонкую незажженную сигарету у своих все еще идеальных губ.

Две затяжки. Она сделает две затяжки и погасит ее в пепельнице из тонкого китайского фарфора. Так продолжается уже год. Кто знает, может быть, когда-нибудь у нее и получится бросить. Во всяком случае, мы с отцом этого очень хотели.

Я подошла и поцеловала нежную щеку, пахнущую парфюмом. Эта женщина сама была цветком – дорогим и свежим.

– Привет, мам. Наконец-то увиделись. Как дела?

Голубые глаза взглянули с беспокойством. Мать потянулась и обняла меня в ответ. Скользнула рукой по длинным волосам.

– Привет, Огонёк. У меня хорошо, а вот у тебя, похоже, не очень. Что с тобой, Агнешка? Такое впечатление, что ты два дня спала на сеновале, и не одна.

– Если бы...

Настроение было таким же собачьим, как хвост Гретты, щекотавший ногу, и я вздохнула. Опустившись на стул, схватила из вазы пару орешков кешью и отправила в рот. Не знаю, зачем я сюда пришла, но есть не хотелось. Скорее всего заглянула за передышкой. Я потерялась и не могла себя найти.

Мать вопросительно вскинула брови и в раздумье задержала на мне взгляд. Родители у меня, конечно, люди прогрессивные и свободные от условностей, но темы личных отношений, особенно за дверьми спальни, мы не касались никогда.

– А... что там Эрик? – Мать чиркнула зажигалкой и затянулась. Выпустила дым тонкой струйкой, приподняв подбородок. – Такой красивый, фактурный мальчик. И к тебе не ровно дышит, – заметила между прочим. – Не приезжал? Мне показалось, вам хорошо вместе.

Я пожала плечами – нож Ольги Павловны все так же ровно отстукивал «тук-тук-тук-тук», не отпуская из мыслей Анто-

на.

– Не знаю. Нормально, наверно.

– Что, так и не помирились?

– Да мы и не ссорились. Надоел, и все. Скучно стало, не хочу его держать – зачем? Мне от его фактуры ни холодно, ни жарко.

Нож застучал медленнее и тише. Я вспомнила, что Миленка рассказала об Ирке – о том, что у них с Эриком что-то там было, и покосилась на домработницу. Ира была дочерью Ольги Павловны, и кто знает, что она рассказала матери о своих отношениях с Покровским.

Мать перехватила взгляд и затянулась сигаретой во второй раз. Выпустив дым, затушила ее в пепельнице.

– Так, может, скажешь, в чем дело? – она сложила перед собой руки. – Пропуски занятий, отцу не звонишь, внешний вид... Агния, ты меня расстраиваешь, и твоя прическа тоже. Вацлав огорчится, если увидит тебя в таком виде. Ты – наше лучшее произведение, помни об этом в следующий раз, когда решишь обойтись без шампуня.

– Мам, перестань, – я скривилась. – То, что работало в девять лет – больше не работает.

– И не подумаю. Я вчера звонила Игорьку в салон – он жаловался, что ты отменила маникюр и не назначила новое время для процедуры. – Мама протянула руку и погладила мое плечо. Улыбнулась так, как умела только она – эту улыбку знали тысячи. – Огонёк, убивать в себе женщину – это

преступление, – произнесла с ласковым укором. – А отказать такому мастеру – преступление вдвойне! Не знаю, что тебя так расстроило, но не существует причины, по которой ты можешь отказаться от этого священного ритуала и ходить лохматой, особенно возле своего мужчины.

И снова перед глазами встал проклятый Морозко – злой и гордый, как неприступная крепость. В очках и с рюкзаком за спиной. Где-то над головой засмеялся Купидон. Провернул стрелу в сердце, и оно тоскливо заныло. Но хоть мозги не отключил, и на том спасибо.

Вот снять бы этот рюкзак да как шарахнуть им хорошенько по светло-русому, кудрявому затылку, чтобы очки слетели, а глаза прозрели – видишь ли, видит он меня насквозь! Нострадамус очкастый!

А дальше и сама от себя не ожидала, что признаюсь. Ольга Павловна как раз опускала на стол тарелки с завтраком, когда я неожиданно вполголоса заявила:

– А моему мужчине плевать, мам. На все плевать! Он мне не верит – я для него лишь красивая обертка с ужасным характером. Он мечтает выселить меня в соседнюю Галактику и никогда не видеть.

– То есть... как это? – Мать застыла с салфеткой в руке, так и не дотянувшись до приборов. – Это что, шутка? – растерянно спросила.

– Нет, правда. Он физик, измеряет расстояние угловыми секундами и парсеками. «У черта на куличках» – для него

недостаточно далеко.

– Агния, он что, взрослый?

Я встала. Пора было собираться, но прежде стоило успокоить маму. Это я у нее достаточно взрослая, чтобы решить свои проблемы самостоятельно.

– Да нет, младше меня на целый день, но упертый. И самый лучший, хоть и дурак!

– Спасибо, Ольга Павловна, – я обернулась к присутствующей в кухне женщине. – Чудесная брускетта, но мне пора в «Скалу».

– Агнешка, а как же...

– Я в «Макдоналдсе» что-нибудь перекушу!

Уже выходя из дому, подумала о том, что теперь, когда о Кудряшке знают Дита и мама, похоже, моя семья готова к встрече с Морозовым.

Осталось придумать, как мне его с ними познакомить.

POV Антон

– Антон, а какие девушки тебе больше нравятся – светленькие или темненькие?

– Умные.

– Ну, Тошка! Я же серьезно спрашиваю!

Я сидел дома в кухне, поглядывал на часы и пил чай. Кристина сидела за столом напротив, барабанила пальцами по задранной к подбородку коленке и рассматривала меня сквозь румяную сушку.

После того, как она надела сушку на нос, я у нее ее отобрал и вернул на тарелку.

– А я серьезно отвечаю. Зачем это тебе понадобилось знать, интересно?

– Да так. Мы тут с девчонками в школе поспорили, кто Денису больше нравится – я или Вика. Хотим понять закономерность. Ведь по логике вещей, если парень светленький, значит, ему должны нравиться темненькие девчонки, и наоборот. Так?

Я уже давно перестал удивляться тому, чем забита голова у моей сестры.

– Нет, не так. Если судить по твоей логике, тогда рыжим нравятся исключительно рыжие и никто другой.

Кристина удивленно ахнула:

– А тебе что, рыжие нравятся?! – Протянула задумчиво: – Как-то я не подумала...

Я откусил бутерброд и запил его горячим чаем. Сунул в рот кусок сыра.

– Да при чем тут я? – пожал плечами. – Я же тебе уже ответил, какие.

– Ну да! Так я тебе и поверила! А если девушка похожа на двойной чизбургер? А если она феминистка или она лопухая? Что, все равно, лишь бы умная? – Сестра подозрительно прищурилась и подперла подбородок кулачком, не желая во мне разочаровываться.

– Да хоть с кольцом в носу!

– Ой, Тошка, а тебе что, нравится пирсинг? – К мелкой тут же вернулось настроение и глаза заблестели. – Ой, а мне тоже! А еще татуировки! – Она воодушевленно защебетала, помахивая руками: – Череп там, дракон, символы всякие кельтские – особенно у парней! Антон, а давай тебе сделаем тату, а? – Сложила ладони вместе у груди и заныла: – Совсем малюсенькую! Ну, пожалуйста!

И вот это «пожалуйста» продолжалось уже вторую неделю.

– Я сказал, нет.

– Но это же так круто!

Я строго взглянул на нее.

– А кто-то в космос летает и в шахту спускается, вот это действительно круто. Поверь, там можно и с татуировками обделаться.

– А если бы ты влюбился в девушку – сделал бы? Ради любви?!

– Кристина, отстань.

– А вот если бы сильно? – и не подумала отстать мелкая. – Так, что жить без нее не смог бы! Сделал? Ну, чтобы доказать чувство?

Через пять минут надо было выходить на работу, впереди ждала ночная смена, и я поспешил доесть бутерброд. Но голубые глаза сестры продолжали смотреть с ожиданием, и пришлось ответить:

– Станные у вас с подругами представления об отноше-

ниях, Крис. Почему кто-то обязательно должен что-то с собой делать «во имя»? Я уже сказал тебе – нет!

Сестра обиделась – даже губы скисли. Встав со стула, протопала следом за мной к мойке, куда я подошел, чтобы вымыть чашку.

– Ты такой скучный, Антон, что аж зубы сводит! – сжала у бедер кулачки.

– Ну и пусть.

– И правильный! А это, Тошка, не модно! Тебя же никто не полюбит таким! Как ты собираешься найти себе девушку?

– А я не собираюсь никого искать.

– Значит, так и проживешь всю жизнь нецелованный?

Я вспомнил темные глаза Корсак и ее губы на моих. Целоваться она умела, это факт, как и получать свое. После нашего разговора я не видел девушку несколько дней и искренне надеялся, что наши пути разошлись.

– Значит.

– Ну, хоть имя любимое скажи! Какое нравится больше – Марина или Алина? А может, Наташа?

Я прошел в прихожую, обул кеды и надел ветровку. Взял рюкзак.

Кристина вертелась рядом, заглядывая в лицо.

– А высокие или низенькие? А глаза, Тошка, какие? Голубые или зеленые? А может, синие?

Прежде чем открыть дверь и уйти, я дернул сестру за хвостик:

– Любые, лишь бы не карие! Ну, пока, Крис! И смотри мне, чтобы уроки сделала! Рано тебе о любви думать!

Уже выйдя из квартиры, услышал в затылок упрямое:

– Мне, может, и рано, а вот кому-то давно пора! Ладно, не переживай, сама выберу!

– Что?

Но мелкая уже захлопнула дверь и провернула в замке ключ. Я сбежал по ступеням и не стал заморачиваться. Близились сессия, пришло время лабораторных работ и зачетов... И без этой любовной ерунды было о чем подумать.

Глава 8

POV Агния

Я поднялась на стену скалодрома и на секунду застыла в верхней точке, чувствуя в плечах и пальцах не только привычное напряжение, но и дрожь. Отвесная стена была высокого уровня сложности, с карнизом и отрицательным наклоном, а я повторила подъем несколько раз... В общем, хотя это и помогало избавиться от ненужных мыслей, пора было остановиться.

Как всегда, меня страховал Макар, и он сразу заметил заминку. Натянул страховочный трос, приготовившись меня спустить, но я знаком показала напарнику, что иду вниз сама. Парень кивнул. Не только подъем, спуск тоже требовал усилий, и все же никто из нас не искал легких путей.

Я спустилась, прыгнула на пол и отстегнула страховочный карабин от нагрудной обвязки. Коротко улыбнулась, подходя к инструктору, – на наше место встала другая пара ребят.

– Отлично, Агния! – Макар одобрительно дотронулся ладонью до моей спины, не спеша ее убирать. – Для повтора у тебя хороший показатель времени!

– Не ври, – я вздохнула. – Сам знаешь, что можно лучше.

– Ты можешь, – он согласился. – Но давай, не сегодня. Мне кажется, что сегодня ты устала.

Я уперла руки в бока и подняла подбородок, успокаивая дыхание. Улыбнулась другу шире – впрочем, не весело.

– Тебе кажется.

Глаза Макара смотрели участливо.

– Агния, я понимаю, что мы здесь все немного одержимые, но, может, сделаешь перерыв? – спросил парень. – Я еще надеюсь увидеть тебя с нами на маршруте в Тельфсе. Не перегори.

– Уж кто бы говорил...

Рядом прошел Паша с парнем-новичком, и оба остановились у невысокого учебного кампусборда⁵. Новичок повернул голову в мою сторону, удивленно приоткрыл рот, однако Пашка быстро вернул его внимание себе, со смехом хлопнув по плечу.

– Да, она с нами, приятель! И, поверь, ее непросто впечатлить. Придется постараться!

– Ого! Я думал, это сама Лара Крофт. Привет! – Незнакомец успел улыбнуться, прежде чем Пашка окончательно развернул его за плечи к тренажеру и стал просвещать, знакомя с азами альпинизма:

– Запомни, главное – опора и зацеп. Начнем с рук, с ключевой тренировки. Ты должен уяснить, что пальцы – это часть опорно-двигательного аппарата...

⁵ Кампусборд (англ.) – «доска кампуса» – это учебный инструмент, который широко применяется для улучшения характеристик скалолазания. Как правило, пользователь поднимается или опускается на кампусную доску, используя только свои руки.

– Ха, удивил! Я это и так знаю.

Новички всегда удивлялись.

– Значит, повторим! Они намного медленнее адаптируются к нагрузкам, чем, например, мышцы. Усек? На скале без сильных сухожилий и суставов никуда, поэтому начнем с малой стены. Отжиматься на пальцах умеешь?

– Нет.

– Научим! Вертеть головой на триста шестьдесят градусов?

– Э-э, нет.

– Заставим! Было бы желание. Когда перед глазами стена, а под задницей пропасть – все учится элементарно, Ватсон!..

Я подошла к скамейке, взяла бутылку с водой и отпила. Подхватив сумку, направилась к выходу из скального зала.

– Так ты решила? – остановил меня окликом Макар. – Поедешь с нами?

Мы выбирались на скальные маршруты с группой не единожды, и только в этот раз я сомневалась.

– Не знаю, – честно сказала. – Посмотрю, как будет себя чувствовать Дита. Мне бы не хотелось ее оставлять надолго, хватит с нее и вечно отсутствующего сына.

– Но ты подумаешь?

– Не обещаю.

Я не уехала – осталась в ресторане. В фитнес-центре «Скала» предлагали здоровое меню, я проголодалась, и мне никого не хотелось видеть.

Макар нашел меня за угловым столиком у окна, когда я уже собиралась уходить. Вышел со мной на улицу и проводил до стоянки.

– Может, расскажешь, в чем на самом деле кроется причина твоего настроения? – спросил ненавязчиво, прощаясь. – Ты изменилась, Агния. Не хотелось спрашивать при ребятах. Вдруг это что-то личное.

Меня научили говорить «нет» даже тем людям, к кому я относилась хорошо. Я знала Макара не один год, он меня страховал на подъемах, но его это не касалось.

– Извини, не расскажу.

Мы остановились возле моей машины, помолчали, и я предложила:

– Давай подвезу, поздно уже. Ты же знаешь, что мне не трудно.

Макар усмехнулся, посмотрел на звезды и повторил не в первый раз:

– Только если зайдешь в гости.

Это не было грубостью или пошлостью, это было предложением. Тем самым – с кольцами и вечным счастьем.

Только вот не моим счастьем.

– Я не зайду.

– Агния...

Я смотрела на симпатичного парня, а сердце молчало. Оно уже откликнулось и больше не сомневалось. Интересно, что Макар видел во мне? Тоже только красивую обертку, как

все остальные?

Когда-то я честно ему сказала, что не способна любить. Тогда я верила, что это правда, а он ответил: «Мне все равно».

Мне тоже было все равно, но не настолько, чтобы играть чужими чувствами. А сейчас мое собственное сердце не давало покоя, изматывая душу, стоило лишь вспомнить слова Антона.

Макар не спорил. Он ждал, выбрав позицию друга. Мы были рядом, и однажды я могла уступить. Все.

Сейчас выпал подходящий момент это проверить.

Не знаю, были ли его чувства ко мне хоть в половину такими же, какие я испытывала по отношению к Морозко, но такой выбор стратегии был не по мне.

Я не собиралась ждать. Я лишь взяла паузу...

– До встречи, Макар. Спокойной ночи.

– Предложение в силе. До встречи, Агния.

Уже почти в полночь, лежа в постели, открыла «Фейсбук» и по привычке пролистала ленту друзей, расставив лайки. Вверху панели заметила оповещение о сообщении в «Инстаграм» и тут же машинально его сбросила, мазнув пальцем по экрану Айфона. Уже отключила сотовый, когда вдруг в памяти отпечаталось имя отправителя – Антон.

Фамилию не запомнила.

Этим приложением я пользовалась редко, обычно в про-

фильм сыпалось немало рекламных предложений, поэтому очень удивилась, увидев сообщение от Антона Холода:

«Привет, няшка! Ты симпатичная! Добавляйся в друзья и пиши о себе – познакомимся!»

И смайлики с сердечками в глазах – терпеть их не могу!

С аватарки отправителя на меня смотрела знакомая рожица моего Кудряшки – неожиданно улыбочивая, солнечная, и сердце едва не выпрыгнуло из груди, а глаза распахнулись.

Что?

Я столько раз тщетно искала его страницу, я уже уверилась, что ее просто не существует, а тут он мне написал... Сам?!

Отбросив изумление, вскочила с кровати, нажала на ссылку профиля и, когда он загрузился, клянусь, открыла рот.

Жизнь на острие

Привет, меня зовут Антон Холод, и я – идеальный парень!

Люблю спортивные тачки, красивых девушек, провокации и экстрим. Много экстрима! Поэтому я никогда не расстанусь со спорт-байком и надеждой найти свою единственную...

Если это ты – пиши! Пообщаемся...

Статус: в поисках своей единственной...

В поисках... Че-го?! Какой еще на фиг единственной?!

Я не могла поверить в то, что вижу, так разительно все «это» отличалось от моего представления о парне. От того,

что я могла ожидать увидеть на его странице после изучения вдоль и поперек профиля Антона в сети «Фейсбук». Точнее, какому же парню не нравятся спортивные тачки и экстрим, это понятно, но... А как же космос и книги? Как же научные открытия в области физики, которыми, судя по той же сети «Фейсбук», жил и щедро делился с друзьями Морозов? И как понимать его заявление насчет красивых девушек?

Какого черта происходит?! Я сплю?!

Но Антон Морозов нахально улыбался мне в лицо со страницы Инстаграма, довольным видом доказывая обратное, и я принялась жадно рассматривать фотографии.

Это был он, мой Кудряшка, только открытый, расслабленный и, конечно же, жутко симпатичный. Я догадывалась, что он таким бывает, мне хотелось увидеть его таким, но, р-р-р... не так же неожиданно!

Вот он лежит в постели – видно, что только что проснулся. Один глаз сонно щурится, волосы спутались, рука запрокинута за голову, а губы улыбаются – наискосок и нагло. На другой фотографии показывает язык. А вот стоит у окна в профиль, ладонью отодвинув портьеру, в одних спортивных брюках, которые низко сидят на бедрах, и хорошо видно, какие у него красивые руки – с рельефом, что надо.

Ну, конечно! А вот и объяснение, откуда рельеф! На коротком видео Морозко легко отжимается от пола, и тонкая в талии спина напрягается в широких плечах. А вот снова стоит в одних боксерах спиной к объективу, демонстрируя,

какой стройный у него прогиб в пояснице... Еще и красуется, гад, своими светлыми локонами!.. А под фото шесть тысяч лайков!

Что?! Сколько?!

Ах ты ж, Ромашка хитрозадая! Ботаник-перевертыш! А с виду сама скромность в очочках. Искусаю!

Я заметалась по комнате, не зная, что делать.

А если его таким увидят? А если узнают, а если напишут? А что, если кто-то попытается его у меня отнять?! Я же в гневе хуже черта и за себя не отвечаю!

Ну, конечно же, увидят – вон уже сорок тысяч подписчиков рассмотрели!

WTF⁶?!

Клок волос захотелось вырвать не только Клюкве, но и себе. А лучше сразу два, вместе с коренными зубами! И это несмотря на то, что на моей собственной странице подписчиков насчитывалось больше двухсот тысяч человек (спасибо популярности родителей), и то – лишь на одной из двух, хотя я бывала там редко. Но это ни капли меня не успокоило!

Мне пришлось пару раз глубоко вздохнуть и с шумом выдохнуть, прежде чем до сознания дошло, что Антон-то написал мне на второй профиль, который я завела, чтобы спокойно общаться с друзьями. И где было всего одно фото – я на мосту в Стокгольме, но так далеко от Диты, поймавшей

⁶ WTF – аббревиатура в интернет-сленге, расшифровывающаяся как «what the fuck?» (русский перевод – «что за черт?», «что за хрень?», «какого черта?»).

меня в объектив фотоаппарата три года назад, что лица не разглядеть.

Я пролистнула страницу вниз и открыла фотографию, на которой Антон был снят вблизи и без футболки. Заинтересованно вскинув бровь, он улыбался, а на его плече, переходя на грудь, красовалась объемная черная татуировка – голова и шея чешуйчатого дракона, раззявившего в гневе огнедышащую пасть...

На плече! У Морозко! Татуировка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.